Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
МУК «Музей истории города Ярославля»
Департамент образования мэрии города Ярославля

Ярославский край в Первой мировой войне

Сборник статей для учителей истории школ города Ярославля

Ярославль
2013

УДК 94(470)1914/1918
ББК 63.3(2)524
Я 76

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им К. Д. Ушинского

Я 76 **Ярославский край в Первой мировой войне**: сборник статей для учителей истории школ г. Ярославля / под ред. В. М. Марасановой. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – 90 с.
ISBN 978–5–87555–947–1

Редакционная коллегия:
В. М. Марасанова, докт. ист. наук (научный редактор)
Д. Е. Озерова, канд. ист. наук (технический редактор)

Издание осуществлено при финансовой поддержке муниципального учреждения культуры «Музей истории города Ярославля»

В сборник включены статьи, подготовленные по итогам учебно-методического семинара для учителей истории школ города Ярославля на тему «Ярославский край в Первой мировой войне», состоявшегося 9 октября 2013 г. в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского. Авторы – преподаватели ярославских вузов, музейные работники, аспиранты.

Сборник предназначен в первую очередь для учителей, преподающих историю и краеведение, для учащихся и студентов, а также для всех интересующихся историей Ярославского края и Первой мировой войны.

УДК 94(470)1914/1918
ББК 63.3(2)524

ISBN 978–5–87555–947–1

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2013
© Авторы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Федюк В. П. Вводное слово…….. 4
Новиков М. В. Актуальные аспекты истории Первой мировой войны……. 8
Иерусалимский Ю. Ю., Передбогов А. П. Характеристика краеведческой литературы о развитии Ярославской губернии в годы Первой мировой войны……. 14
Архипова Л. М. Использование интернет-ресурсов при изучении истории Первой мировой войны…… 20
Отбоева Д. А. Патриотизм 1914 года (по материалам Ярославской губернии)…… 28
Тишинова О. Ю. Из истории Гроховского полка……... 37
Мурзо Г. В. «Перед зрелищем войны…»: корреспонденции В. Я. Брюсова в ярославском «Голосе»…… 41
Лозинский Б. Р. Оказание медицинской помощи больным и раненым на фронтах в годы Первой мировой войны в Ярославле……... 52
Кищенков М. С. Национальный состав австро-венгерских и немецких военнопленных и условия их нахождения в плену в годы Первой мировой войны (по материалам Ярославской губернии)…… 59
Самолетов И. Д. Особенности реализации Столыпинской аграрной реформы в годы Первой мировой войны (по материалам Ярославской губернии) ……... 65
Дашковская О. Д. Духовенство Ярославской епархии в годы Первой мировой войны……... 71
Дутов Н. В. Учебные заведения Ярославля в годы Первой мировой войны…….. 75
Кербиков М. Д. Изучение темы Первой мировой войны средствами музейной педагогики…… 82

Сведения об авторах…….. 89

ВВОДНОЕ СЛОВО

Начало XX века было для Европы временем нараставшей тревоги. Великие державы континента – Англия, Франция, Германия, Россия и Австро-Венгрия – находились в постоянной борьбе за сферы влияния, колонии и рынки сбыта для своих товаров. Не раз эти конфликты выливались в прямые вооруженные столкновения. Так было в 1912–1913 гг. на Балканах, так бывало в Африке и на отдаленных островах Тихого океана. Но никто не мог предвидеть, что пожар войны охватит весь мир.

Все случилось молниеносно. 1 августа 1914 г. (19 июля по старому стилю) Германия объявила войну России, посмевшей выступить в защиту своей старой союзницы – Сербии. На стороне Германии выступили Австро-Венгрия, Турция, а позже и Болгария. Россию поддержали Франция, Англия, полтора года спустя – Италия и Румыния. В апреле 1917 г. против Германии выступили Соединенные Штаты Америки. Военные действия проходили на трех континентах – в Европе, Азии и Африке. Таким образом, впервые в истории война приняла характер мировой.

Война таких масштабов неизбежно должна была остаться в памяти участвовавших в ней народов. В странах Западной Европы ее до сих пор называют Великой, и трудно найти европейскую столицу, где бы не был установлен памятник участникам Первой мировой. Могила Неизвестного солдата под сводами Триумфальной арки в Париже и горящий здесь же Вечный огонь как раз и являются таким памятником.

Но в Москве – столице страны, которая понесла наибольшие потери в войне, – такого памятника до последнего времени не было. Причины этого понятны: в трагичной истории нашей страны Первая мировая война оказалась оттеснена более значимыми событиями. К тому же для России война закончилась поражением, несмотря на то, что победителями в войне стали ее первоначальные союзники. Брестский мир с Германией, заключенный в марте 1918 г., отнял у России огромные территории, ограбил и унизил ее. Прежняя, императорская, Россия не выдержала, рухнула под натиском внутренних проблем, ставших причиной кровавой революции. Для пришедших к власти в резуль-

тате революции 1917-го большевиков Первая мировая была войной несправедливой и захватнической. За ней закрепилось название «империалистическая война», подчеркивавшее, что ее цели и задачи не имели ничего общего с интересами народа.

Положение еще более усугубилось после окончания Второй мировой, которая была действительно войной за выживание и справедливо получила название Великой Отечественной. На ее фоне блекли воспоминания о других событиях, и уж тем более о войне «империалистической».

Сейчас прошло время, и мы должны, наконец, спокойно взглянуть на свое прошлое. Ни в коей мере не умаляя значение победы в Великой Отечественной, мы можем и должны обратиться к памяти о войне, ей предшествовавшей. Как выясняется, Первая мировая – забытая война, но сильно повлиявшая и влияющая до сих пор на нашу жизнь и наше настоящее.

Историческое время не всегда совпадает со временем астрономическим. С точки зрения смены исторических эпох XX век начался именно 1 августа 1914 г. Первая мировая война покончила со старой Европой, уютной и патриархальной. В результате войны рухнули четыре империи, ранее казавшиеся незыблемыми – Германская, Австро-Венгерская, Российская и Османская. Но и те европейские державы, которые вышли победительницами, долгое время не могли справиться с экономическим хаосом и нарастающей волной социального недовольства. Косвенным результатом Первой мировой войны стал приход нацистов к власти в Германии и все последующие ужасы гитлеровского режима.

Историю нашей страны Первая мировая определила самым прямым образом. Неудачи на фронте и разруха в тылу стали главной причиной революции. А революция и последовавшая за ней гражданская война вызвали тот политический строй, который просуществовал у нас более 70 лет.

Но не все было так пессимистично. Можно вспомнить, что Первая мировая дала мощный толчок к развитию науки и техники. В небо поднялись самолеты (сначала военные, но потом и пассажирские). Кино, телевидение, сотни новых лекарств – все это появилось или получило массовой распространение как раз в это время.

Наш Ярославль лежит далеко от границ. К великому счастью, последний раз врага видели у стен города четыреста лет назад, в начале XVII столетия. Но и, будучи глубоким тылом, наш город впрямую ощутил влияние Первой мировой. Речь даже не о том, что почти половина мужского населения губернии оказалась мобилизованной в армию. Годы войны стали временем рождения нового Ярославля, того, в котором мы живем и поныне.

До Первой мировой войны Ярославль ничем особенным не выделялся из числа соседних губернских центров. Город текстильщиков и маслобоев, обывателей и кустарей, он не имел и малой доли того мощного потенциала к росту, каким обладали Нижний Новгород или Самара. Но все изменилось с началом войны.

В Ярославль хлынула волна беженцев из западных районов Российской империи. В короткий срок численность населения города увеличилась почти вдвое. Беженцы хоть и принесли с собой множество бытовых проблем, зато в городе появились новые рабочие руки и новые капиталы. Часть заводов, эвакуированных из прифронтовой зоны, нашли новое пристанище именно в Ярославле. Так, в 1916 г. рижский предприниматель С. С. Щетинин заложил в Ярославле механический завод, преобразованный потом в автомобильный. Ныне это Ярославский моторный завод, долгое время определявший промышленное лицо города.

Проблемой Ярославля было его транспортное положение. Да, в отличие от соседней Костромы, Ярославль избег участи железнодорожного тупика, но единственная магистральная дорога связывала его с Архангельском. В 1916 г. началось строительство Даниловской железнодорожной ветки, в итоге связавшей Ярославль с Транссибом и сделавшей его важнейшим железнодорожным узлом. Полвека спустя Ярославль был уже не городом маслобоев и текстильщиков, а машиностроителей и химиков, главным и наиболее динамично развивающимся центром своего региона.

Каждый из нас помнит имена своих родственников, воевавших в Великую Отечественную. А помним ли мы тех, кто воевал в Первую мировую? Пока еще есть время, нужно сделать все, чтобы «забытая война» перестала быть забытой, а память

о ней стала составной частью в историческую память нашего народа.

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает работы ярославских специалистов (вузовских преподавателей, музейных работников, аспирантов) по истории Первой мировой войны. Он предназначен в первую очередь для учителей, преподающих историю и краеведение, а также для всех интересующихся историей Ярославского края и Первой мировой войны.

В. П. Федюк,
доктор ист. наук, профессор,
декан исторического факультета
Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова

М. В. Новиков

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стенограмма выступления

Наш семинар посвящен вопросу, который сейчас на устах, наверное, у всех граждан Европы, и связанно это с надвигающимся столетием начала Первой мировой войны. Мы с вами собираемся на эту проблему взглянуть достаточно узко, рассмотреть аспекты, связывающие это событие столетней давности с нашим Ярославским краем. Это тоже очень важная часть истории. Региональная история имеет такое же большое значение и звучание, как и история глобальных проблем.

Могу привести вам простой пример, почему это очень важно.

Я сам много лет занимаюсь историей Гражданской войны в Испании, и там имеется один очень щекотливый момент, который присутствовал во многих исследованиях, – это проблема потерь гражданского населения во время войны. Сколько расстреляли республиканцы с помощью наших советников и сколько расстреляли франкисты с помощью германских нацистов и итальянских фашистов – цифры были самые разные. Так вот, местные испанские историки-краеведы скрупулезнейшим способом подсчитали на своих территориях, сколько расстреляли одни и сколько другие на основании документов, свидетельств очевидцев и т. д. И они создали картину по каждому региону, по каждой провинции, кто и сколько безвинно расстрелял гражданского населения. Вот это работа историков-краеведов, на основании которой уже историки, занимающиеся глобальными процессами, делают выводы о характере республиканской и франкистской форм правления. Так что эта работа чрезвычайно важна и очень нужна.

Далее попробую поделиться с вами своими соображениями по вопросу, по которому сам нахожусь пока в стадии раз-

© Новиков М. В., 2013

мышления, не все акценты ещё расставлены. Первая мировая война и её история не были обойдены вниманием историков и на российском, и на мировом уровне, и у нас в Ярославле тоже. Издано много самых разных трудов, в последние годы защищено достаточно большое количество диссертаций, в том числе и в нашем городе.

Некоторые оценки этой войны, её места в истории были даны ещё тогда, когда она находилась в процессе своего развития, и сразу после её окончания, но наиболее известные сформулировал наш классик Владимир Ильич Ульянов-Ленин, и, кстати, некоторые из них трудно оспорить. В отдельных трудах, изданных в последние годы, его стараются обходить, не цитировать, но те оценки, которые им были даны об этой войне, в смысле ее характера, с ними вообще не поспоришь.

Что это была за война? Скажем, как Отечественная патриотическая война 1812 г. или как Великая Отечественная 1941–1945 гг.? Или это была империалистическая и захватническая война? Действительно, цели в этой войне, которые преследовали все её основные участники (в то время это не просто крупные европейские, а самые крупные мировые державы), были связанны с захватом либо чужой территории, либо рынков сбыта.

В 1879 г. возник Австро-Германский союз, через три года к нему присоединяется недавно объединившаяся Италия. Тройственный союз ставит своей целью заставить соседние государства, соседние колониальные империи – Английскую, Французскую – поделиться частью своих заморских владений. Центрально-европейские государства считают себя обделёнными. К тому же, вспомним, что в 1870-х гг. Германия из Прусского королевства превращается в Германскую империю, в Германский рейх. Немецкая нация объединяется, этому сопутствует бурное развитие промышленности, а значит, нужны новые рынки сбыта. А колоний почти нет, и Германия требует своего. Поэтому война произошла из глубинных противоречий между основными крупными мировыми государствами того периода, расположенными в Европе.

Что же Россия? У России, как ни парадоксально, почти не было противоречий ни с Германией, ни с Австро-Венгрией и уж тем более с Италией. У России была только одна давно вынаши-

ваемая цель в тот период – это, как вы знаете, территориальные претензии к Турции. Вопрос, связанный с присоединением к России черноморских проливов был главным, почему Россия могла и должна была принять участие в той войне. Она надеялась отнять у Турции и Босфор, и Дарданеллы, и Мраморное море, с тем, чтобы получить свободный выход в Средиземное море. Вот единственное серьёзное устремление России.

Вряд ли можно считать столь серьезными противоречия с Австро-Венгрией из-за православных балканских народов и прежде всего сербского, собственно, из-за которого эта война и началась. Всё, что связано с Сербией, с Гаврилой Принципом, с убийством эрцгерцога Фердинанда – это, конечно, не причина этой войны, это лишь повод для ее начала. Причем повод ничтожный по нынешним временам – террористический акт, когда группа молодых людей, объединённых в националистическую организацию, решилась на убийство наследного принца Австро-Венгерской империи, и в этом обвинили Сербию, которая как страна к этому теракту не имела вообще никакого отношения. То, что теракт совершили этнические сербы, – это так, но они жили в другом государстве, в Австро-Венгрии. То, что они хотели эту часть Австро-Венгрии, населенную этническими сербами, вернуть в лоно Сербии, да. Но сербское руководство не поручало им убийства эрцгерцога Фердинанда и ничего не знало о подготовке этого теракта. И тем не менее война началась из-за этого убийства. То есть нужен был повод. И вот из ничего, по сути дела, сделали повод для начала Первой мировой войны.

А дальше события нарастают как снежный ком… Россия заявляет о поддержке Сербии, Германия предостерегает Россию от начала мобилизации. Россия начинает всеобщую мобилизацию, и Германия объявляет ей войну. 1 августа для нашей страны – официальный день вступления в Первую мировую войну. Это всё общеизвестные факты. Но что считать днем начала Первой мировой войны? Дату нападения Австро-Венгрии на Сербию? Или когда Великие державы начали воевать между собой? Или когда Россия вступила в эту войну 1 августа 1914 г.?

В литературе существуют самые разные мнения не только по поводу официальной даты начала войны, но и выхода из неё России, здесь также не так всё просто и не всё однозначно. Как вы

помните, это связано с тем, что в России происходит революция. Император Николай II отрекается от престола. Почему он отрёкся? Конечно, его заставили это сделать неудачи в этой войне. Если бы не было неудач, вряд ли бы он подписал акт об отречении.

Почему военные неудачи оказались запрограммированы, прежде всего, для России? А дело в том, что Россия не была готова к этой войне. Она вступила в войну, имея запас снарядов, патронов для своей армии на полгода ведения войны. На полгода! Дальше надо было, как это сделали большевики в 1941–1945 гг., превращать страну в единый военный лагерь, переводить промышленность на военные рельсы, проводить мобилизацию всех внутренних ресурсов.

Было ли это сделано в нашей стране? Что-то было сделано, однако больше говорили, чем делали в этом направлении. Не удалось перепрофилировать промышленность на военные рельсы. И Россия оказалась неспособной обеспечить свою армию самым необходимым, чтобы вести войну, – патронами и снарядами. Это общеизвестный факт. И то, что это является одной из главных причин поражения России в этой войне, неоспоримо. И это притом, что против России в 1914–1917 гг. воевало только 25% германской армии, а 75% воевало на западном фронте. Во Второй мировой войне как раз всё было с точностью до наоборот, 75% воевало на восточном фронте против Советской России, а 25% на западном, против союзников. И при таком соотношении, когда только четверть германской армии воевала против России, Россия терпела неудачи в этой войне.

Причина, повторяю, достаточно хорошо освещена в литературе, это, конечно, было связано с неготовностью страны к мировой войне, с неготовностью промышленности обеспечить армию боеприпасами, без которых в то время вести войну было невозможно. В дальнейшем Россия не смогла по ходу войны развить свою военную промышленность и начать выпускать в нужном количестве аэропланы, танки. На западе уже воевали серьёзные воздушные соединения, у нас же были отдельные герои, единицы, которые не влияли на ход и исход войны. В России не смогли наладить выпуск собственных танков, хотя и немцы, и англичане, и французы начали их массовое производство. Артиллерия многих стран была очень серьёзно модернизирована

в годы войны, но не русская артиллерия. И немцы, и англичане, и французы сделали серьёзный шаг вперёд в развитии своих артиллерийских систем. Военная мысль не стояла на месте, и все инновации сразу внедрялись в производство, доходили до армии.

Понятно, что в этих условиях армия полноценно воевать не могла, а отсюда военные неудачи. Говорить о бездарности военачальников преждевременно, этот тезис выглядит не очень серьёзно, потому что крупных успехов ни австрийцы, ни немцы добиться на восточном фронте не смогли. Не было прорывов, не было окружений, одни теснили, другие отступали, потому что одни постоянно стреляли из пушек, а другим отвечать было нечем. Но так, чтобы окружить, захватить в котёл, за исключением операции августа 1914 г. в Восточной Пруссии, в дальнейшем уже ни немецкая, ни австрийская армия сделать не смогли.

Вот этот аспект, военный аспект Первой мировой войны, не нашёл должного освещения в нашей исследовательской литературе. В советский период установка была одна – побыстрее забыть эту «ненужную», «бессмысленную», «империалистическую войну», и писать о ней можно было только в негативном смысле. Сейчас перед историками стоит задача объективно реконструировать военный аспект войны и попытаться представить ход военных операций, роль российских военачальников, которые участвовали в ходе этих операций. И, наверное, доказать, что не все из них были царедворцами и бездарностями.

Мы все знаем о том, что Россия досрочно вышла из этой войны, это связано с приходом к власти в России большевиков в 1917 г. Большевики пришли под лозунгами «Земля крестьянам!», «Мир народам!», то есть они поставили на карту всю свою политическую судьбу этими лозунгами, и не заключить мир, любыми способами не выйти из войны, они не могли. Да и страна вести войну уже не могла, поэтому любой мир любой ценой – установка Ленина. И она была реализована, как вы знаете, и закончилась Брестским миром, который заключили Россия и Германия. Мир, который был, несомненно, унижением для Великой России. Аннексировалась значительная территория, надо было платить контрибуцию.

Чем всё закончилось? В ноябре 1918 г. в Германии происходит революция, Германская империя превращается в рес-

публику, и договор, подписанный в Бресте, большевики объявляют недействительным. И Россия, проиграв войну в марте 1917 г. с подписанием Брестского мира, как бы автоматически попадает в число победителей в этой войне. Вопрос о том, Россия всё-таки войну выиграла или проиграла, находится в состоянии неопределённости.

В советский период любая работа историков о Первой мировой войне начиналась с обильных цитат Ленина, а дальше излагался в поддержку ленинских установок тот или иной фактический материал, поэтому трудно было ожидать в тот период независимых исследований, не основанных на этих идеологических установках.

Но наступил новый этап в нашей с вами истории, российский этап. В нашей стране многое произошло, хорошее и плохое. Оценки разные. Но вот для нас, для историков, несомненно, стало лучше. Это точно. Лучше почему? Во-первых, у нас больше нет неких заданных установок. И каждый из нас волен выбирать себе любую тему для исследования, по-своему её разрабатывать, используя любые факты. И второе, конечно, то, что доступ к первоисточникам, к архивным материалам тоже стал несколько иным, чем был в советское время. Ограничений политического, цензурного, партийного характера – их почти нет.

Есть ограничения другого характера: когда работники архивов не хотят работать, плохо обслуживают нас, историков, к великому сожалению. Могут перенести запросы на неопределённое время, ссылаясь на то, что они получают очень маленькую зарплату. И эта ситуация характерна для всей страны: для Ярославля, для архивов Москвы, Санкт-Петербурга – везде картина одна и та же. Раньше были одни причины, идеологического характера, запретительного, сейчас – другие. Опять для историков не всё так просто, но при наличии терпения, усердия можно добиться того, чего мы хотим, можно получить доступ к архивным материалам, и по-новому взглянуть на, казалось бы, уже известные события.

Я думаю, что перед историками молодого поколения, ярославскими историками, безусловно, стоит очень важная и серьёзная задача: постараться по крупицам воссоздать, реконструировать все те события, которые связаны с темой «Ярослав-

ский край и Первая мировая война». Здесь очень много самых разных аспектов – это не только политика, это не только военная составляющая, это повседневная жизнь людей, это межнациональные отношения, – масса других аспектов, которые в современной исторической науке являются чрезвычайно важными и нужными, без которых целостность истории в принципе невозможна.

УДК 94(470)1914/1918

Ю. Ю. Иерусалимский, А. И. Передбогов

ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О РАЗВИТИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассматриваются основные исторические источники и краеведческая литература о социально-экономическом и политическом положении Ярославской губернии в годы Первой мировой войны, дан их подробный анализ. Проведено разделение источников на статистические, периодическую печать, художественную литературу. Краеведческая литература разделена на два блока: советская литература и современная литература. Сделаны выводы о перспективе изучения данной темы.

Изучение развития Ярославской губернии в годы Первой мировой войны является особенно актуальным в свете приближающегося столетия со дня начала Первой мировой войны. Это событие кардинальным образом перевернуло политическую карту мира, изменило жизнь мирового сообщества, России, а также Ярославского края. Российская империя прекратила свое существование, на ее месте было образовано новое государство – Советская Россия. Но все это произойдет спустя несколько лет.

На данном этапе исследования нам необходимо выяснить, насколько значимые изменения происходили в Ярославск-

© Иерусалимский Ю. Ю., Передбогов А. И., 2013

ой губернии в 1914–1917 гг. Существенную помощь в этом оказывают краеведческая литература и исторические источники.

К нашему сожалению отметим, что сегодня пока существует небольшое количество краеведческой литературы по истории Ярославской губернии в годы Первой мировой войны.

Среди источников важно выделить статистические материалы, опубликованные в «Статистическом сборнике» [1]. В них приведена очень подробная статистика экономического развития губернии, показан состав и численность рабочих, дана характеристика состояния различных отраслей производства. Другая группа исторических источников – периодическая печать – представлена газетами «Ярославские губернские ведомости» [2] и «Ярославские епархиальные ведомости» [3]. В этих периодических органах показано отношение к войне различных слоев населения, в том числе и служителей Русской Православной церкви, которые выступали за войну до победного конца. Следующим значимым источником является «Справочная книга Ярославской губернии» [4], где отражены половозрастная и социальная структура населения Ярославской губернии, состояние аппарата чиновников, проходившие в этот год ярмарки и другие важные статистические сведения.

Несмотря на то, что в основе исследования лежит рассмотрение состояния Ярославской губернии в 1914–1917 гг., необходимо для сравнения и сопоставления с мирным временем изучить развитие накануне Первой мировой войны. Применение данного компаративистского метода позволит сделать объективные и аргументированные выводы о влиянии войны на жизнь губернии. В связи с этим интересен юбилейный альбом «Пребывание их императорских величеств в Ярославской губернии в лето 1913-е месяца мая в 21–23 день» [5], вышедший в честь празднования 300-летия дома Романовых. В нем подробно описан визит императора Николая II в Ярославль. В честь этого события была организована выставка, где императору были показаны образцы промышленной и сельскохозяйственной продукции, производимой в регионе.

Большой интерес представляет «Список фабрик и заводов и других промышленных заведений Ярославской губернии по данным Всероссийской промышленной переписи в 1918 г.»

[6]. Благодаря списку можно сделать вывод о том, как повлияла война на ярославскую промышленность.

Что касается исследовательской литературы советского периода, то значительный интерес по своему объему и содержанию представляет работа авторского коллектива (П. Г. Андреев, Л. Б. Генкин, П. Н. Дружинин и П. И. Козлов) «Ярославль. Очерки по истории города (XI – октябрь 1917 г.)» [7], изданная в 1954 г. Авторы затрагивают тему социально-экономического и политического положения Ярославля в период Первой мировой войны. Интересна также работа М. Е. Кадека «Очерки по экономике Ярославского края» [8], изданная в 1925 г. В нее вошли сюжеты, связанные с изучением промышленного и сельскохозяйственного производства в губернии в 1914–1917 гг.

Из общероссийских исследований, направленных на изучение предвоенной ситуации, весьма показательны работы Н. А. Ивановой «Структура рабочего класса России 1910–1914 гг.» [9] и К. А. Пажитнова «Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России» [10], где был проанализирован и ярославский материал.

Современные исследования представлены работой коллектива ярославских историков «История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века» [11], где специальные разделы посвящены анализу политической, социально-экономической и культурной жизни губернии в период Первой мировой войны и ее влияния на регион.

В 2012 г. в московском журнале «Современная наука» вышла большая статья профессора Ю. Ю. Иерусалимского, аспирантов А. А. Волкова и А. И. Передбогова «Ярославская губерния накануне и в годы Первой мировой войны» [12]. В ней были проанализированы общероссийские закономерности и местные особенности социально-экономической и общественно-политической обстановки в крае накануне и во время Первой мировой войны. Особое внимание было уделено анализу работы крупнейших промышленных предприятий.

Также существуют работы, которые исследуют конкретные отрасли промышленности региона в рассматриваемый период. К ним относятся исследования Н. М. Александрова «Табачная промышленность Ярославской губернии XIX – начала

XX вв.» [13], А. В. Борисовой, Ю. Ю. Иерусалимского и Н. П. Рязанцева «История ликеро-водочного производства в России в XX веке (на примере Ярославского ликеро-водочного завода)» [14].

Отдельно рассматриваются крупные промышленные предприятия и положение рабочих на них в работах Н. Н. Балуевой «Ярославская Большая мануфактура. Страницы истории» [15], авторского коллектива Л. И. Бородкина, Т. Я. Валетова, Ю. Б. Смирновой, И. В. Шильниковой «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России» [16]. Имеется серия статей молодого ярославского исследователя А. А. Волкова о положении рабочих на крупнейших промышленных предприятиях Ярославской губернии [17].

Профессор В. П. Федюк проанализировал в своих работах политическую историю региона в 1917 г., а также уделил большое внимание повседневной истории в работе «Историко-революционные памятники Ярославской области» [18].

Большой вклад в изучение истории губернии рассматриваемого периода внес профессор Г. Н. Кочешков, который в своей работе «Российские землевладельцы и их общественно-политические организации в 1917 г.» [19] подробно рассмотрел жизнь на селе и развитие сельского хозяйства Ярославской губернии.

Наконец, за последние годы вышли статьи историка С. Д. Кудрявцева о численности и положении беженцев в Ярославской губернии в годы Первой мировой войны и статья М. В. Попиновой «Организация помощи беженцам Первой мировой войны (на примере деятельности Ярославского Городского Комитета помощи беженцам)» [20].

Несмотря на относительно небольшое количество исследований по данной проблематике, тема изучения социально-экономического развития Ярославской губернии в годы Первой мировой войны является актуальной, особенно в преддверие 100-летнего юбилея этих событий, и позволяет надеяться на существенное увеличение исследовательской базы.

Использованные источники и литература

1. Статистический сборник за 1913–1917 гг. [Текст]. – Вып.1. – М., 1921.

2. «Ярославские губернские ведомости». 1913–1917 гг. (официальная и неофициальная части) [Текст].

3. «Ярославские епархиальные ведомости». 1913–1917 гг. (официальная и неофициальная части) [Текст].

4. Справочная книга Ярославской губернии на 1913 год [Текст] / Ярославский Губернский Статистический Комитет (ЯГСК). – Ярославль : Типография Губернского Правления, 1913; Справочная книга Ярославской губернии на 1914 год [Текст] / ЯГСК. – Ярославль : Типография Губернского Правления, 1914; Справочная книга Ярославской губернии на 1915 год [Текст] / ЯГСК. – Ярославль : Типография Губернского Правления, 1915.

5. Пребывание их императорских величеств в Ярославской губернии в лето 1913-е месяца мая в 21–23 день. Юбилейный альбом [Изоматериал]. – Ярославль, 1913.

6. Список фабрик и заводов и других промышленных заведений Ярославской губернии по данным Всероссийской промышленной переписи в 1918 г. [Текст]. – М., 1920.

7. Андреев, П. Г., Генкин, Л. Б., Дружинин, П. Н., Козлов, П. И. Ярославль: Очерки по истории города (XI в. – октябрь 1917 г.) [Текст] / П. Г. Андреев, Л. Б. Генкин, П. Н. Дружинин, П. И. Козлов. – Ярославль : Кн. изд-во, 1954. – 337 с.

8. Кадек, М. Е. Очерки по экономике Ярославского края. [Текст] / М. Е. Кадек. – Ярославль, 1925.

9. Иванова, Н. А. Структура рабочего класса России 1910–1914 гг. [Текст] / Н. А. Иванова. – М.: Наука, 1987. – 345 с.

10. Пажитнов, К. А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России [Текст] / К. А. Пажитнов. – М., 1958.

11. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века [Текст] / А. М. Пономарев, В. М. Марасанова, В. П. Федюк и др.; отв. ред. А. М. Селиванов. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 2000. – 368 с.

12. Иерусалимский, Ю. Ю., Волков, А. А., Передбогов, А. И. Ярославская губерния накануне и в годы Первой ми-

ровой войны [Текст] / Ю. Ю. Иерусалимский, А. А. Волков, А. И. Передбогов // Современная наука. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – № 4–5. – С. 20–25.

13. Александров, Н. М. Табачная промышленность Ярославской губернии XIX – начала XX вв. / Н. М. Александров // V Тихомировские краеведческие чтения. Сборник материалов конференции. – Ярославль. 1995.

14. Борисова, А. В., Иерусалимский, Ю. Ю., Рязанцев, Н. П. История ликеро-водочного производства в России в XX веке (на примере Ярославского ликеро-водочного завода) [Текст] / А. В. Борисова, Ю. Ю. Иерусалимский, Н. П. Рязанцев. – Ярославль. – Яросл. гос. ун-т, 2003.

15. Балуева, Н. Н. Ярославская Большая мануфактура. Страницы истории [Текст] / Н. Н. Балуева. – Ярославль : Нюанс, 2002.

16. Бородкин, Л. И., Валетов, Т. Я., Смирнова, Ю. Б., Шильникова, И. В. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России [Текст] / Л. И. Бородкин, Т. Я. Валетов, Ю. Б. Смирнова, И. В. Шильникова. – М. : РОССПЭН, 2010. – 535 с.

17. Волков, А. А. Социально-экономическое положение рабочих Ярославля в 1914–1917 гг. [Текст] / А. А. Волков// Трефолевские чтения: историческое и литературное краеведение русского города XVIII – начала XXI века. – Ярославль, 2012. – С. 241–246.

18. Федюк, В. П. Историко-революционные памятники Ярославской области [Текст] / В. П. Федюк. – Ярославль, 1987.

19. Кочешков, Г. Н. Российские землевладельцы и их общественно-политические организации в 1917 году [Текст] / Г. Н. Кочешков. – Ярославль, 1994.

Попинова, М. В. Организация помощи беженцам Первой мировой войны (на примере деятельности Ярославского Городского Комитета помощи беженцам) [Текст] / М. В. Попинова // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль, 2000.

УДК 94(470)1914/1918

Л. М. Архипова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

Статья посвящена анализу наиболее типичных сайтов, содержащих большой объем информации по Первой мировой войне, приемам их критики и оценке возможностей использования в образовательном процессе.

Согласно «законам» теории информации, информация, которая у вас есть, не та, которую вам хотелось бы получить, а информация, которую вам хотелось бы получить, не та, которая вам на самом деле нужна, и, наконец, информация, которая вам на самом деле нужна, вам недоступна [2, с. 148]. Этот ироничный афоризм приходит на память при анализе тех информационных ресурсов по истории Первой мировой войны, к которым может обратиться учитель.

Прежде всего, с сожалением приходиться признать, что учебно-методические комплексы для 9-го и 11-го классов по истории России уделяют мало внимания Первой мировой войне. При этом в них до сих пор воспроизводится официальная концепция советской исторической науки относительно империалистического характера войны, а рекомендуемые формы и методы организации урока не способствуют реализации одной из целей школьного образования – формированию исторического мышления. В примерных программам среднего (полного) общего образования по истории под этой компетенцией подразумеваются способности рассматривать события и явления с точки зрения их исторической обусловленности, сопоставлять различные версии и оценки исторических событий и личностей, определять собственное отношение к дискуссионным проблемам прошлого и современности.

© Архипова Л. М., 2013

В поурочных разработках к учебникам А. А. Данилова и Л. Г. Косулиной по истории России, наиболее часто используемых в школах, рекомендуется в ходе *рассказа* учителя привести учеников к «*самостоятельным*» выводам о тех целях, к которым стремились страны-участницы войны. «Англия – сохранить колонии, ослабить Германию; Франция – стремление заполучить Эльзас и Лотарингию, приобрести Саарский угольный бассейн; Россия – усилить влияние на Балканах, добиться контроля над проливами Босфор и Дарданеллы, захватить земли Австрии и Германии; Германия – стремление к переделу английских и французских колоний, к утверждению на Балканах и Ближнем Востоке, к отторжению от России Украины, Прибалтики, Белоруссии» [1, с. 42].

Если империалистический характер целей *всех* воюющих держав выявляется с очевидностью в приведенной цитате, то «дополнительный материал для учителя», февральская 1914 г. «Записка П. Н. Дурново», должен убедить, кроме того, в преступной бессмысленности участия России в войне в составе Антанты [1, с. 43–46].

В учебнике для 11-го класса под редакцией Н. В. Загладина материал по ключевым и принципиально важным направлениям оценки участия России в «великой войне», как ее называли до начала Второй мировой, представлен в том же концептуальном осмыслении [3, с. 70–71].

Позитивным исключением следует признать книгу для учителя Т. В. Перевезенцевой, которая является неотъемлемой частью нового учебно-методического комплекса по истории России для 9-го класса общеобразовательной школы [4]. Ее автор рекомендует проведение урока по теме «Россия в Первой мировой войне» в лабораторно-практической форме – индивидуальной работы учащихся по заполнению рабочих листов. Небольшие, но высоко информативные отрывки из первоисточников, а также мнения историков и писателей (Г. П. Федотова, А. И. Солженицына, А. М. Зайончковского, С. Кудряшова), справочный материал в единстве с учебником дают возможность ученикам действительно самостоятельно придти к собственным оценкам исторических событий. Однако в этих документах, как и тексте параграфа, вопрос о причинах участия России в войне, а

значит, о ее характере и оценке результатов, не поднимается. Он заменен вопросом о военных целях сторон, соотношении военных потенциалов и значении крупных операций. Односторонними выглядят сведения о боеспособности стран, приведенные только на начало военных действий, поскольку в течение войны ситуация с обеспечением русской армии изменялась коренным образом.

В результате неудовлетворительного как в научном, так и в методическом плане освещения история Первой мировой войны в школьном курсе она остается «забытой» и неизвестной. Цели России предстают непонятными, чуждыми ее государственно-национальным интересам, жертвы – напрасными, самодержавие – неспособным к управлению страной в чрезвычайных условиях. У тех учителей, которых такая политизированная еще советскими историками трактовка войны не устраивает, есть возможность обратиться к дополнительной информации интернет-сайтов, создать свою базу данных для использования ее на уроке, самостоятельно формировать собственное понимание проблем.

Образовательные возможности интернет-ресурсов трудно переоценить. Они обеспечивают доступность и обилие, избыточность информации, при условии взаимной дополняемости различных источников – ее полноту, что может способствовать большей объективности оценок исторических событий.

Но эти достоинства не компенсируют настолько же очевидных недостатков электронных ресурсов: «системность без системы» в организации информации, то есть наличие навигатора по сайту само по себе еще не решает проблему критериев ее отбора при создании собственной учебно-методической базы данных; видимая «объективность» авторов сайтов отражает в лучшем случае эклектичность их подхода к источникам, в худшем – скрывает осознанную или бессознательную тенденциозность их историографической позиции.

Следовательно, интернет-ресурсы – только инструмент, эффективность которого зависит от того, в чьих руках он находится. Это актуализирует задачу овладения источниковедческой критикой сайтов, которая поможет ориентироваться в концептуальных особенностях предоставляемой ими инфор-

мации, в определении своих критериев отбора источников, в развитии умений самостоятельной научно-исследовательской деятельности как одной из высших добродетелей современного учителя.

Рассмотрим общий алгоритм источниковедческого анализа интернет-сайтов с информацией по истории Первой мировой войны на конкретных примерах.

Сайты «Первая мировая война», размещенные в интернете по адресам: http://www.firstwar.info/; а также http://www.firstwar.info›battles/; http://www.firstwar.info›photos/, используют общий сервер, имеют одинаковые интерфейсы, информационную структуру и безымянное авторство, что в единстве заставляет предположить общего создателя, профессионально не подготовленного к работе с историческим материалом. На это указывает и неопределенно сформулированная цель – «пролить свет на одно из важнейших событий в истории двадцатого века», а также навигатор, не отражающий единого принципа классификации источников (ХРОНОЛОГИЯ, БИТВЫ, ПОЛКОВОДЦЫ, КНИГИ, ФОТОГРАФИИ, ОРУЖИЕ, ПРОПАГАНДА, СТАТЬИ). Знакомство с рубрикой «Статьи» усиливает недоверие к аналитическим материалам этих сайтов из-за их скудности и того, что в рубрике оказались «слиты» историографический источник и первоисточник (не статья, а делопроизводственный документ), которые все-таки объединяет общая концепция – они подсказывают читателю англо-французскую версию о «вине Германии» в возникновении войны. Соответственно, к описанию военных операций следует относиться с осторожностью, в отличие от визуальных источников, информация которых заслуживает большего доверия.

На сайте Яндекс.Картинки (http://images.yandex.ru/первая мировая война) обнаруживается 2 млн визуальных источников по истории Первой мировой войны, центральное место среди которых занимают фотографии и кадры кинохроники.

Целиком документальному кино о Первой мировой войне посвящены несколько сайтов, включая «Мир документальных фильмов онлайн»: http://documentalfilms.ucoz.ru/load/voennaja_tematika/pervaja_mirovaja_vojna/4. На сайте представлено

20 документальных фильмов о Первой мировой войне, которые можно посмотреть в режиме онлайн (регистрация, заказ бесплатно).

Документальные и художественные фильмы, времен войны и созданные позднее, размещены на сайте по адресу: http://voenhronika.ru/publ/pervaja_mirovaja_vojna_rossijskaja_imperija/26. Цикл «Забытая война» режиссера Вахтанга Микеладзе был создан к столетию Первой мировой войны и самое ценное в нем – это не интерпретация событий, а кадры кинолетописи, рассказывающие о событиях на фронтах, фотографии и фоторепортажи, сделанные в тылу. Познавательной цели может служить первый российский полнометражный фильм Александра Ханжонкова «Императорский Балтийский флот». Авторы сайта комментируют его значение: «В царской России эта лента шла в кинотеатрах и имела колоссальный успех. Но прошло почти сто лет, и многое в этой хронике для большинства современных зрителей остается большой загадкой. Какими были линейные корабли Балтийской эскадры накануне Первой мировой войны, как выглядел легендарный броненосец "Петр Великий", как проходили шлюпочные гребные гонки».

Следовательно, сайты частных лиц, предлагающие документальный материал, первоисточники с указанием на время, обстоятельства, цели их создания, авторство, вопросы сохранности и другие аспекты традиционного источниковедческого анализа, заслуживают внимания при составлении учебной базы данных.

Порталы образовательных и культурно-просветительных учреждений обладают значительно большими информационными ресурсами по сравнению с личными сайтами. Так, «Историческая публичная библиотека» представляет электронный вариант «Всемирной истории» в 24 томах, включая т. 19 «Первая мировая война», а также фото- и видео документы, «книги скачать», литературу, биографический энциклопедический словарь и др. (http://www.istmira.com/pervaya-mirovaya-vojna). Определенный интерес вызывают подборка фотографий периода Первой мировой войны, сделанных на полях сражений и в учебных

лагерях Соединенных Штатов и их союзников. Создатели сайта предлагают короткий комментарий к документальным материалам: «Все эти снимки в свое время подверглись цензуре, чтобы не вызывать пораженческие настроения у населения и не выдавать секретов вражеской стороне».

Региональная общественная организация «Академия русской символики МАРС» была создана в 1997 г. с целью возрождения и популяризации российской геральдики и символики; помощи различным организациям и ведомствам в разработке своей символики и знаковой системы; формирования банка данных по геральдике, символике и эмблематике. На сайте организации представлен социокультурный проект, частью которого являются материалы по Первой мировой войне, что отражено в навигации, включающей раздел «Великая война в журналистике» (http://www.simvolika.org/project03.htm). В нем содержится любопытная подборка статей из журналов «Заря» и «Нива» за 1915–1916 гг. Группу документальных материалов объединяет тема «Великая война в карикатурах, сатире и юморе», каждый источник сопровождается указанием на его происхождение, место и время его первой публикации, авторов стихов, фельетонов, зарисовок.

Таким образом, степень доверия к электронным ресурсам определяется следующими факторами:

- можно ли установить организацию, которая представляет информацию в Интернет, является ли она авторитетной;
- можно ли установить конкретного автора, представившего информацию в Интернет, насколько авторитетным он является в исследуемой области;
- содержатся ли в исследуемых ресурсах ссылки на опубликованные материалы, статистические данные, другие первоисточники [5, с. 38].

К этому общему алгоритму анализа сайтов следует добавить несколько частных рекомендаций, более приближенных к источниковедческому формату:

- какому виду соответствует информация – научной, научно-популярной, общественно-политической, художественной, документальной, мемориальной истории;
- как представлена информация – нейтрально или претенциозно, аналитически, аргументировано или тенденциозно, способом внушения или в дискуссионном ключе;
- присутствует ли историографический контекст.

С учетом отмеченных критериев в 2003–2004 гг. был подготовлен материал по теме «Первая мировая война и российское общество», который размещен на сайте ЯГПУ на странице навигатора: «Информационные технологии в преподавании гуманитарных дисциплин» по адресу: http://yspu.org/hreader. Организованный в форме ридера, этот ресурс наиболее соответствует образовательным задачам: ответить на дискуссионные вопросы каждый обратившийся к нему может попытаться самостоятельно, познакомившись с соответствующими историографическими и конкретно-историческими источниками. Для анализа документов предлагаются вопросы и задания, выполнение которых способствует формированию умений и навыков исследовательской работы.

Структура ресурса включает следующие части:

- Введение.
- Историографические версии происхождения Первой мировой войны.
- Политическая элита России об июльском кризисе 1914 г.
- Осознание причин Первой мировой войны представителями общественности и народа.
- Влияние войны на армию, экономику и население.
- Власть и общество в период Первой мировой войны.

Каждая часть сопровождается актуализацией ее проблематики, а также «примечаниями» – историческими справками об упоминаемых в тексте документов, фактах, событиях, личностях и т. п. Переходить на них можно по гиперссылкам или по навигатору.

Другой характерной чертой ресурса является то, что в нем представлены все виды исторических источников – от личных писем и делопроизводственных записок до статистических таблиц с обязательным указанием полных выходных данных и автора документа.

Итак, правильный выбор интернет-ресурсов позволяет преодолеть злополучный «закон» теории информации, упомянутый в начале статьи, и создать условия для формирования исторического мышления у учащихся путем их контролируемой самостоятельной работы с базой данных, подготовленной учителем.

Использованные источники и литература

1. Арасланова, О. В., Поздеев, А. В. Поурочные разработки по истории России XX – начало XXI вв. [Текст] : универсальное издание / О. В. Арасланова, А. В. Поздеев. – М. : ВАКО, 2005.
2. Душенко, К. В. Закон подлости и другие законы: Афоризмы [Текст] / К. В. Душенко. – М., 1999.
3. Загладин, Н. В., Козленко, С. И., Минаков, С. Т., Петров, Ю. А. История России XX – начало XXI вв. [Текст] / под ред. Н. В. Загладина. – М. : Русское слово-РС, 2011.
4. Перевезенцева, Т. В. История России. 9 класс: книга для учителя [Текст] : поурочное планирование. Источники. Мнения историков. Справочные материалы / Т. В. Перевезенцева. – М. : ООО «ТИД «Русское слово-РС», 2012.
5. Шилова, О. Н., Лебедева, М. Б. Как помочь учителю освоить современные технологии обучения [Текст] : методическое пособие для преподавателей (тьюторов) системы РКЦ–ММЦ проекта ИСО / О. Н. Шилова, М. Б. Лебедева. – М. : ИНТУИТ. РУ, 2006.

УДК 94(470)1914/1918+355.233

Д. А. Отбоева

ПАТРИОТИЗМ 1914 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ)

Аннотация

Первая мировая война стала не только проверкой на устойчивость ведущих стран в процессе их исторического развития, боевого потенциала, умения вести дипломатические переговоры или гонкой за лидерство на мировой арене, в немалой степени она была испытанием на прочность патриотических чувств населения стран-участниц. В статье на примере событий Первой мировой войны с разных сторон анализируется это понятие – патриотизм.

Первая мировая война показала разные подходы к пониманию понятия «патриотизм» и его способность занимать одно из высших положений в иерархии ценностей человека. С одной стороны, патриотизм становился составной частью общественного сознания, в основе которого лежала любовь к родной земле, языку, традициям. С другой стороны, это же чувство выступало как политический инструмент, как учение о должном, элемент пропаганды. Для одних преданность к своей родине понималась как истребление народа-врага, подкрепленное чувством полной уверенности в том, что это делается ради процветания своей нации. Для других же в военную пору включались механизмы самозащиты, рождалось непреодолимое желание помочь другим, и здесь война уже выполняла созидательную функцию. Она заставляла проявиться такие нравственные качества, как чувство долга, ответственность, добросердечность, миролюбие.

Война глубоко всколыхнула душу русского человека. Чувство любви к Родине и народная гордость возмущались всем, что так или иначе напоминало нашим соотечественникам заклятого врага. Людей призывали к «бойкоту германских и австрийских товаров», заполнивших рынки [1]. Кроме того, очень остро был поставлен вопрос о преподавании немецкого языка в обра-

© Отбоева Д. А., 2013

зовательных учреждениях [2]. Считалось, что «немецкий язык в будущем перейдет в категорию мертвых языков и изучение его классических произведений, наравне с латинскими и греческими, станет уделом кабинетных ученых, а народным массам он будет не нужен» [3]. Уверенность в этом выводе подкреплялась еще и тем, что ожидалось развитие оживленных торговых сношений России с могущественными и «высококультурными» союзниками – Францией, Бельгией и Англией. За основной язык был принят французский, как «легче усвояемый детьми и которого ожидала самая широкая популярность и распространение на континенте Европы» [4] во всех сферах духовной и экономической жизни.

Ярославский край, хотя и находился далеко от линии фронта, но не воспринимал войну как отвлеченную категорию, а активно принимал участие в общем деле обороны страны. По мере растущего напряжения тыл работал не только жертвенно, но и слаженно. Все слои населения пытались помочь воинам, пострадавшим на бранном поле. Еще с большей силой на начальном этапе войны чувство великой любви к своей Родине пробудилось среди простых горожан, духовных лиц, культурной элиты.

В городах были проведены «Дни белой ромашки». Программа «Дня белой ромашки» состояла из двух частей: просветительской работы и денежного сбора. Акция проходила прямо на улицах, каждому жертвователю вручалась белая ромашка. В Рыбинске за два года действия акции было выдано 66 тыс. значков людям, которые пожертвовали денежные средства для помощи в военное время [5]. В Ярославле был учрежден сбор «День Войны» для помощи раненым и больным воинам, имевший широкие масштабы [6].

Война была тесно переплетена с культурной жизнью Ярославской губернии. Понимая популярность кинематографических театров, которые имелись в каждом городе, но в военное время пришли в упадок, ярославский губернатор направил циркуляр полицеймейстерам и уездным исправникам, о том, что владельцам кинематографов необходимо выделить суммы в пользу Комитета помощи раненым и больным воинам [7].

К уроженцу Ярославля певцу Леониду Витальевичу Собинову поступила просьба оказать содействие сбору средств ли-

цам, пострадавшим от военных действий. Во время своего концерта в Ярославле знаменитый певец обошел присутствующих с кружкой в пользу пострадавших во время военных действий. Впоследствии он еще более активно включился в кампанию по сбору средств для раненых, предприняв большую гастрольную поездку по городам, расположенным на Волге.

Начавшаяся война была кровопролитной. Госпитали быстро заполнялись ранеными, мест не хватало. Возникала необходимость всеми средствами – деньгами, материалами, припасами, приготовлением помещений и личным трудом – организовать в Ярославле уход за ранеными.

Активное участие в этом деле приняло ярославское духовенство. Священник каждого прихода регулярно проводил денежные, вещевые и продуктовые сборы в пользу Белого и Красного креста, Александровского комитета раненых, Императорского Православного Палестинского общества, Всероссийского комитета помощи русским военнопленным.

К осени 1914 г. епархия устроила помещения для раненых воинов на 60 коек. Семьям солдат было выделено 5 тысяч рублей. Югская Дорофеева пустынь [8] пожертвовала 2 тыс. руб. и открыла в одном из своих зданий лазарет на 15 мест. В Спасо-Яковлевском монастыре был открыт госпиталь на 150 мест с полным содержанием. Настоятель храма в с. Семеновское Даниловского уезда обратился к духовенству с предложением обменять имеющиеся золотые украшения на кредитные билеты и полученные деньги направить на улучшение положения российских военнопленных [9].

7 октября 1914 г. архиепископ Агафангел (Преображенский) [10] возглавил освящение и открытие епархиального лазарета, оборудованного на 75 коек в доме наследников П. А. Градусова [11] на Большой Московской улице, устроенного на средства духовенства, церквей, монастырей и церковных старост. Он являлся председателем Комитета по устройству и управлению лазаретом. На содержание больных Владыка жертвовал личные средства. Большое участие он принял также в судьбе многих беженцев.

Инициатива открытия лазаретов для раненых и больных воинов принадлежала не только духовным, но и гражданским

лицам. В Ярославской городской думе было принято решение о приспособлении бывшего ресторана «Бутлер» [12] под городской лазарет для 60 раненых. Кроме того, Ярославская городская управа обратилась к доктору И. Н. Кацаурову [13], заведующего глазной лечебницей, с просьбой о предоставлении под лазарет помещения в этой лечебнице на 40 коек. После начала Первой мировой войны Кацауров говорил своим сотрудникам: «Теперь вся Россия – Союз Русского Народа, нам, союзникам, не следует выделяться, нужно принять участие в общей работе для нужд войны. Каждый – где и что может» [14].

Ярославские союзники приняли активное участие в деятельности комитетов, союзов помощи раненым, солдатским семьям, беженцам, в общегосударственных мероприятиях и т. д. Городской голова на собрании депутатов 12 августа 1914 г. высказал необходимость присоединения города Ярославля к Всероссийскому союзу городов [15]. Это предложение было единогласно принято.

По всем городам и местечкам империи в честь дня рождения великой княжны Татьяны Николаевны, 29 мая, производился трехдневный кружечный сбор пожертвований деньгами и одеждой для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий. В течение трех дней, 29, 30 и 31 мая 1915 г., только в Ярославской губернии было продано около 300 тыс. значков, а также булавок и открытых писем с портретами Татьяны Николаевны за пожертвования [16].

Похожую акцию проводило Императорское женское патриотическое общество во главе с императрицей Александрой Федоровной, выпускавшее особые патриотические почтовые марки, которые поступали в продажу, начиная с октября 1914 г., в почтовые учреждения многих городов. Марки выпускались 1-, 3-, 7- и 10-тикопеечного достоинства и продавались с надбавкой в 1 коп. [17]. Принимая во внимание благую цель, преследуемую выпуском означенных марок, и стараясь дать широкую огласку и распространение этому начинанию, городского голову просили принять все зависящие от него меры к беспрепятственному разрешению вывешивать во всех вагонах городского железнодорожного транспорта, а также в общественных местах художест-

венно исполненные плакаты с извещением о выпуске марок и продаже таковых в местных почтовых учреждениях.

Благородную цель преследовал Дамский комитет при Ярославском губернском комитете Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым воинам. В Ярославле был открыт приют для сирот и полусирот – детей воинов. Председательницей комитета являлась Мария Фердинандовна Хрусова. В приют принимались дети обоего пола от грудного вскармливания до 13 лет, отцы и матери которых были призваны на войну или умерли. Приют был рассчитан на 30 человек. Приют содержался на частные пожертвования и пособия от губернского земства. Предполагалось, что по окончании войны приют будет закрыт, а детей возвратят родителям. Тех детей, отцы которых были убиты, устраивали в г. Ярославле и в других городах [18].

Патриотические настроения воодушевили и студенческую среду. 23 октября 1914 г. состоялась манифестация ярославских семинаристов. Учащиеся с портретом Государя Императора, с национальными флагами, с собственным музыкальным оркестром и с надписями на щитах: «Да здравствует Русская армия», «Долой врагов славянства» вышли на улицу. С пением национального гимна и «Спаси, Господи, люди Твоя» манифестанты направились по Рождественской улице к Спасскому монастырю. Манифестанты встретились с архиепископом Агафангелом у его покоев, где владыка произнес речь, приветствующую патриотические чувства семинаристов, а затем благословил учащихся со словами: «Дай Бог, чтобы эти чувства не были эффектом. Благословляю вас, прошу не злоупотреблять выражением своих чувств, не допустите себе чего-либо плохого, недоброго. Возможно, что вам не придется выступить против врага с оружием в руках, но для вас есть другое поле деятельности: вы можете оказать помощь по уходу за ранеными …». Из Спасского монастыря манифестанты пошли к церкви Знамения (ныне – ул. Первомайская, 21). Проходя мимо лазарета в казенной палате, манифестанты приветствовали раненых, у церкви Ильи Пророка все пели «Вечную память». Отсюда направились к дому губернатора, где к манифестантам вышел граф Д. Н. Татищев, произнес краткую речь и возгласил здравицы за Государя и армию. После встречи с губернатором манифестанты по Волжской

набережной, мимо Некрасовского бульвара прошли по людным улицам города [19].

Манифестации были не единственным способом приобщиться к общему делу помощи фронту. Воспитанницы старших классов (6–8) Ярославского епархиального женского училища на Духовской улице (ныне – ул. Республиканская), «побуждаемые мыслью о тщетности внешних драгоценных украшений, а также воодушевленные чувством патриотизма и любви, сострадания к страждущим на поле брани родным воинам», собрали свои кольца, брелки и другие подобные украшения и с помощью воспитательницы «разыграли их между знакомыми в городе». На собранные от выигрыша деньги воспитанницы купили несколько пар теплых перчаток и носков для солдат, сахару. Узнав из газет о том, что солдаты нуждаются в соли, приобрели ее, высушили и сами упаковали в кулечки. Вся посылка была передана во Владимирский Дамский Комитет, откуда отправлена в действующую армию [20]. Многие студенты, проникаясь патриотическими идеями, искренне надеялись, что с окончанием войны должна будет «начаться новая жизнь», за которую отдавали свои жизни тысячи солдат.

Укрепляли дух и веру воинов в свои силы телеграммы, посылаемые из Ярославля в места боевых действий. Так, военнослужащий Петр Петрович Щапов отправил ответную телеграмму со следующими словами: «Вчера получил дорогой мне привет родных ярославцев, глубокий им за него поклон. Меч не погнулся, а с каждым днем становиться крепче и крепче. С упованием на Бога и твердой верой в мощь матушки Руси взираем на будущее» [21].

Жители Ярославля и Ярославского края желали знать, что происходит на театре войны. Источником такой информации становились бюллетени, сообщающие о внутренних делах войск и о военных операциях. Безусловно, наиболее достоверные сведения можно было получить из уст самих участников сражений. Находящийся на излечении в Лефортовском военном госпитале [22] подпоручик Л. рассказывал о следующем геройском подвиге нижнего чина пулеметной роты Максима Кошеварова. «Кошеварову оторвало ногу. Понимая, что он, как наводчик пулеметов, очень нужен, Кошеваров потребовал, чтобы ему сделали

перевязку тут же на позиции. Отправиться на перевязочный пункт или в лазарет Кошеваров категорически отказался. И без ноги, истекая кровью, остался на своем посту до конца боя, вносся меткой стрельбой из пулемета опустошение в немецкие ряды» [23]. Героизм этого солдата был порожден великой любовью к своей Родине, и примеров такого солдатского мужества, стойкости и самопожертвования было немало.

Ярославль и Ярославский край, на наш взгляд, занимал одну из передовых позиций в формировании патриотического воспитания. Наш край не старался особенно выделиться на фоне других городов, но идентифицировал себя как небольшую, но очень весомую часть огромной страны, делая акцент на обязательном участии каждого члена общества в деле гуманитарной помощи.

Для многих русских людей война стала преображающей силой, которая старалась противостоять религиозной нетерпимости, национальному высокомерию. Идеи гуманизма, взаимопомощи стали руководящими в то непростое время, когда наружу вырывались все ужасы насилия над человеком. На начальном этапе война примирила политические партии, война сделала всех русских патриотами – и латышей, и грузин, и поляков, и евреев, и даже прибалтийских немцев. Даже в охваченной опасным брожением Финляндии проснулся отдаленный, забытый русский патриотизм.

Первая мировая война стала проверкой для патриотических чувств населения России. Безусловно, военные победы выступали объединяющей, цементирующей общество духовно-нравственной силой, но таким же скрепляющим фактором необходимо считать и жертвенное служение, обращенное на нужды Отечества. Истинным патриотизмом можно считать тот, который не смешивается с чувством враждебности к другим народам. Именно такую любовь к своей Родине проявили многие русские люди, миролюбивые, но умеющие защищать свою страну, демонстрируя своим примером духовную победу и обновление.

Использованные источники и литература

1. Ярославские губернские ведомости. Неофициальная часть [Текст]. – 1914. – 22 июля. – № 56.

2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1664.
6. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1650.
7. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1671.
8. Югская Дорофеева пустынь находилась в Рыбинском уезде, в советское время была разрушена и затоплена. Югская пустынь была основана в 1615 г. схимонахом Псково-Печорского монастыря, уроженцем села Нижне-Никульское (ныне тоже затоплено), преподобным Дорофеем. Здесь располагались пять великолепных храмов – Троицкий собор, Успенская, Молченская, Никольская и Ильинская церкви. Пустынь имела хорошо отлаженное полеводческое и животноводческое хозяйство, а также больницу, школу, водяную мельницу, пасеку, птичник, конюшню, скотный двор, кедровую рощу и хозяйственные постройки.
9. Сайт Ярославской епархии [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.yareparhia.ru – свободный.
10. Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич) родился 27 сентября 1854 г. в с. Мочилы Веневского уезда Тульской губернии в семье протоиерея. В 1885 г., пережив личную трагедию – смерть жены и младенца, – он принял монашество с именем Агафангел. 5 февраля 1914 г. архиепископ Агафангел прибыл на место нового служения – в Ярославскую епархию. В центре его внимания сразу оказалось состояние духовного образования, программы и условия работы преподавателей и воспитанников Ионафановского женского училища и Ярославской духовной семинарии. Спустя полгода началась Первая мировая война, и в день ее объявления в Ярославле при огромном стечении народа архиепископ Агафангел и викарный епископ Сильвестр (Братановский) отслужили молебен на Соборной площади перед образом Спаса Нерукотворного. Множество верующих молились на коленях. Жизнь Владыки Агафангела была подчинена исполнению христианского долга – заботе о страждущих воинах, их семьях и сиротах. Он благословлял проведение разнообразных мероприятий в помощь нуждавшимся, сам принимал в них участие и делал пожертвования.

11. Градусов Павел Андреевич – общественный деятель, избирался гласным Ярославской городской думы, был членом учетного комитета Ярославского городского общественного банка и членом комиссии по оценке недвижимых имуществ для обложения налогами. На протяжении 9 лет он являлся директором Ярославского губернского тюремного комитета, был крупным жертвователем на нужды церкви при исправительном отделении тюремного комитета. Павел Андреевич был действительным членом Православного церковного братства святителя Дмитрия Ростовского Чудотворца в Ярославле. Ему принадлежало большое торговое предприятие, в состав которого входили лавки, контора по перевозке клади, трактир. Они помещались в его собственном доме на Большой Московской улице. П. А. Градусов был собственником нескольких домов, один из которых находился на Малой Федоровской улице. Его общественная деятельность была отмечена двумя золотыми медалями.

12. Ресторан «Бутлер» был устроен в 1901 г. в саду при Казанском бульваре (ныне – Первомайском) германским подданным Августом Карловичем Бутлером, а в 1908 г. стал летним кинотеатром, который неоднократно перестраивался до середины XX века; служил местом отдыха горожан. Ресторан Бутлера считался элитным местом. Стерляжья уха и осетрина были здесь обычным блюдом. Особым гурманам подавали живых устриц, привезенных из Парижа.

13. Кацауров Иван Николаевич (1855–1914) – статский советник, врач глазной лечебницы Попечительства о слепых Императрицы Марии Александровны в Ярославле, основатель и председатель Ярославского отдела Союза Русского Народа (СРН).

14. Степанов, А. Кацауров Иван Николаевич [Текст] / А. Степанов // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм / гл. ред., сост. О. А. Платонов, сост. А. Д. Степанов. – М., 2003.

15. Всероссийский союз городов – общественная организация, созданная в целях всесторонней помощи фронту и тылу на Съезде городских голов, который состоялся в Москве 8–9 августа 1914 г. (главноуправляющий Союза – московский городской голова М. В. Челноков).

16. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1670.
17. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 64.
18. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1735.
19. Ярославские епархиальные ведомости. Неофициальная часть [Текст]. – 1914. – 16 окт. – № 46.
20. Там же.
21. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 50.
22. Лефортовский военный госпиталь имени Н. Н. Бурденко – одна из крупнейших больниц (1550 коек), первое в России государственное лечебное учреждение. Госпиталь («Военная Гошпиталь») был основан 25 мая 1706 г. в Лефортове по указу Петра Первого и стал первым в России государственным лечебным учреждением. В Первую мировую войну госпиталь принял около 400 тыс. солдат. Ярославские епархиальные ведомости. Неофициальная часть [Текст]. – 1914. – 2 нояб. – № 44.

УДК 94(470)1914/1918+355.486

О. Ю. Тишинова

ИЗ ИСТОРИИ ГРОХОВСКОГО ПОЛКА

Аннотация

В статье рассматривается история 182-го пехотного Гроховского полка, который до начала Первой мировой войны был расквартирован в Рыбинске. Уделяется внимание созданию полкового музея, некоторые экспонаты которого до сих пор находятся в Рыбинском музее-заповеднике.

В Рыбинске накануне Первой мировой войны стояло около 14 воинских соединений [1], в том числе 182-й Гроховский пехотный полк.

С середины XIX века Рыбинск был крупным внутренним портом страны, соединявшимся со столицей водным и железнодорожным путями. Здесь находились огромные склады хлеба, важнейшего стратегического запаса, а также устроены и артил-

© Тишинова О. Ю., 2013

лерийские склады. Для охраны этих объектов в Рыбинск посылались части регулярной армии.

182-й пехотный Гроховский полк находился в Рыбинске с 1910 по 1914 гг. Полк вел свое начало от Киевского внутреннего губернского полубатальона, сформированного 17 января 1811 г. В мае 1877 г. батальон был переформирован в 4-х батальонный полк, а спустя три года получена Высочайшая грамота на пожалование полку знамени. Свое название он получил в память о Гроховском сражении, когда русские войска одержали победу над польскими повстанцами у деревни Грохово. Это произошло 13 февраля 1831 г. В этот день был установлен праздник полка. На месте сражения был поставлен памятник павшим героям. Кроме того, 13 февраля отмечался день памяти святого Симеона Сербского, с тех пор считавшегося покровителем полка. Тогда же была заказана полковая икона святого Симеона, на украшение которой гроховцы делали регулярные пожертвования [2].

С 1890 г. полк находился на территории Польши, которая в то время входила в состав Российской империи.

С началом русско-японской войны в 1904 г. целая рота полка была отправлена на фронт. Принять участие в военных действиях изъявили желание все роты полка, поэтому решено было бросить жребий. Он пал на 7-ю роту. Всем солдатам перед отправкой на фронт были выданы нательные кресты и дан прощальный ужин. Роте была поднесена икона Святого Симеона. Все время, пока шла война с Японией, все солдаты и офицеры полка отчисляли 1% из своего содержания на усиление русского флота. За усердную службу 69 солдат и офицеров были награждены серебряными медалями на Станиславской ленте с надписью «за усердие». Шесть человек были награждены орденом Св. Георгия Победоносца.

7 июля 1910 г. Гроховский полк вошел в состав Московского военного округа и переведен на стоянку в город Рыбинск. Полковые казармы были построены из красного кирпича специально для полка на берегу Волги. В народе их называли «Красные казармы». Казармы состояли из двух трехэтажных зданий. Сейчас там располагается часть корпусов Рыбинского государственного авиационного технического университета им. П. А. Соловьёва.

В одном из зданий казарм находилась полковая церковь, где полковой священник проводил службы и исповеди. Живописные работы в церкви офицеры и солдаты выполняли сами. Знамя полка как святыня тоже хранилось в домовом храме, оно стояло возле аналоя. По правую и левую сторону от иконостаса висели две мраморные доски. На белой доске были занесены имена награжденных орденом Св. Георгия Победоносца, на черной доске – имена убитых в русско-японскую войну. Это был фактически полковой Синодик. Имена убиенных поминались во время Литургии и панихид.

В полку была своя библиотека, на которую постоянно выписывались журналы (например, журнал «Русское чтение»), газеты, учебники и книги. Офицеры полка постоянно заботились о повышении своего образования. Как только вышла «Военная энциклопедия» Брокгауза и Эфрона, многие офицеры выписали себе это издание. Издание было дорогим, и офицеры взяли его в кредит, в счет и без того небольшого жалования. Некоторые офицеры пожелали иметь собственное издание полной энциклопедии Брокгауза и Эфрона, стоившее 108 руб. 7 коп. Накануне Первой мировой войны на имя командира полка стали поступать уведомления о необходимых расчетах с издательскими конторами.

Был у Гроховского полка и свой музей, в котором находилась коллекция оружия, мундиров и знамен. Музей размещался в офицерском собрании полка. Стены зала были украшены старинным оружием и рыцарскими шлемами. Музей был гордостью полка, здесь хранились полковые реликвии.

Гроховский полк принимал участие в открытии памятника Александру II, на постаменте которого размещена сейчас скульптура В. И. Ленина.

В Рыбинском музее-заповеднике хранятся стеклянные негативы фотографий, сделанные Георгием Сигсоном. Он служил прапорщиком в полку, потом дослужился до чина капитана [3]. С хронологической последовательностью, кадр за кадром, показаны на снимках прошлого века гроховцы, начиная с момента отправки на фронт, во время боя и на отдыхе, на привале, в землянках и окопах. Можно сказать, гроховцам повезло, что их однополчанин увлекался фотографией. Эти уникальные документы – фактически фотолетопись полка.

В ноябре 1914 г. большая часть полка была отправлена на фронт, а казармы были отданы под военный госпиталь. Те части полка, которые остались в городе, выполняли функцию охраны важных объектов и улиц города.

Во время войны солдаты и офицеры полка совершили немало боевых подвигов. Гроховский полк принимал участие в сражениях в Австрии, где русские войска одержали не одну победу и взяли много пленных.

Не забывали гроховцы и о своем музее. Несмотря на трудности военного времени, они умудрялись пополнять свою коллекцию новыми экспонатами, переправляя их в Рыбинск с представителями попечительного комитета Рыбинской биржи, которые регулярно навещали бойцов.

Позднее музейная коллекция была передана на хранение в музей Рыбинского отделения Ярославского Естественно-исторического общества [4]. Естественно-научный музей занимал тогда небольшое помещение из трех комнат в здании коммерческого училища. В конце 1914 г. часть здания была передана под госпиталь. Музей уплотнили до одной комнаты, и для посетителей он был закрыт. Экспонаты музея Гроховского полка тоже находились в этой комнате. В связи с ухудшением положения на фронте, вывоз оружия был запрещен. Однако пополнение музея экспонатами не прекратилось.

Например, в январе 1916 г. в полковой музей были посланы несколько военных предметов: немецкая каска, фляжка под воду и три шрапнельных стакана [5]. Известно также, что в апреле 1916 г. в музей с частным лицом был доставлен боевой снаряд. К тому времени (с ноября 1915 г.) все оружие из музея уже было изъято. Часть из него была передана в действующую армию, а часть хранилась на артиллерийском складе [6].

В мае 1918 г. Гроховский полк был расформирован. Командиры полков, оставшиеся в живых солдаты и офицеры, вернулись в Рыбинск. В город вернулись и другие полки – Осташковский и Логовской. Командиры полков сдали знамена на хранение в Кресто-Воздвиженскую церковь.

В настоящее время эти знамена хранятся в Рыбинском музее-заповеднике.

Использованные источники и литература

1. Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. 452. Оп. 1–17.
2. Эфенбах, штабс-капитан. Памятка Гроховца [Текст]. – Рыбинск, 1911.
3. РФ ГАЯО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 6. Д. 31.
4. РФ ГАЯО. Ф. 429. Оп. 2. Д. 1. Л.10,53.
5. РФ ГАЯО. Ф. 429. Оп. 2. Д. 1. Л. 54.
6. Выписка из талона квитанции на выдачу оружия из музея Рыбинского отделения Естественно-исторического общества в действующую армию // РФ ГАЯО. Ф. 429. Оп.2. Д.1. Л.10, 14.

УДК 94(470)1914/1918+070

Г. В. Мурзо

«ПЕРЕД ЗРЕЛИЩЕМ ВОЙНЫ…»: КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В. Я. БРЮСОВА В ЯРОСЛАВСКОМ «ГОЛОСЕ»

Аннотация

Статья представляет собой анализ военной корреспонденции В. Я. Брюсова в ярославской ежедневной газете «Голос», издаваемой в первой половине прошлого века, а также его переписки с редактором газеты К. Ф. Некрасовым. В центре особого внимания – патриотические устремления известного писателя, степень и особенности их реализации в полевых условиях, а также динамика взглядов на войну.

«Голос» – ежедневная ярославская газета, основанная в 1909 г. К 1914 г. она завоевала авторитет широкого круга читателей, чему способствовало многообразие обсуждаемых на ее страницах тем. Все они были связаны с жизнью не только Ярославской губернии, но и России в целом, и подавались в контексте мировых событий. Издателями газеты «Голос»» были

© Мурзо Г. В. , 2013

К. Ф. Некрасов[1] и Н. П. Дружинин[2] – люди общественно активные, либералы по своим политическим взглядам.

Еще в 1911 г. К. Ф. Некрасов открыл собственное книгоиздательство. Именно тогда тесные деловые и личные отношения связали К. Ф. Некрасова с В. Я. Брюсовым, который был инициатором и участником ряда издательских проектов. С 1911 г. они неоднократно встречались, вели переписку. Совместные хлопоты касались издания биографии и литературного наследия Каролины Павловой, сборника переводов «Французские лирики XVIII века». Открывались приятные перспективы, но ждущие завершения и новые дела пришлось на время отложить: их потеснила война.

22 июля (4 августа) 1914 г. в «Голосе» были опубликованы Высочайший манифест, Объявление о военном положении и Обращение к русской армии и русскому народу, подписанное Николаем II. На первой полосе этого же номера была набрана патетическая статья К. Ф. Некрасова «Единая Россия» [8, с. 1]. В патриотическом порыве он сравнивал начавшуюся войну с Отечественной войной 1812 года, говорил о значении единения всех партий перед лицом угрозы государственности, о цементирующей силе любви к Родине, о могуществе народа-воина, выступившего за отечество и веру.

«Мысль народную» К. Ф. Некрасов утверждал как наиболее важную. В дальнейшем, помещая разнообразные материалы о войне и с войной связанные, «Голос» будет следовать этой мысли, надолго ставшей одной из ключевых. Тема Польши и Галиции, где быстро разворачивались военные действия, займет особое положение, и представлять ее будет В. Я. Брюсов.

О сотрудничестве «известного писателя» с «Голосом» Некрасов объявит читателям уже 26 июля (8 августа) [10, с. 3].

---

[1] Константин Федорович Некрасов (1873–1940) – племянник Н. А. Некрасова (сын его младшего брата), земский деятель; участвовал в I Государственной думе, примыкая к ее прогрессивному крылу.

[2] Николай Петрович Дружинин (1858–1941) – общественный деятель; как и К. Ф. Некрасов, член I Государственной думы от партии кадетов; сотрудник местных и столичных изданий, автор многих книг по крестьянскому вопросу.

27 июля в письме к издателю из Москвы, где ожидали прибытия Генерального штаба, Брюсов, переживавший в числе «*всех*[3] корреспондентов *всех* русских газет» затянувшееся отправление на восточный фронт, уточнял: «Я буду корреспондировать в три газеты: в “Русские ведомости”, в Ваш “Голос” и в “Сибирь” (Иркутск). Вам я предполагаю высылать 1–2 корреспонденции в неделю; если же Вы захотите, то и чаще» [5, л. 10].

В последовавшем через несколько дней письме Брюсов объяснял Некрасову создавшееся положение: «По моим письмам в “Рус. Ведом.” Вы можете судить, как у меня мало материала. Посылаю Вам сейчас небольшую заметку о “Варшаве в дни войны”. Буду рад, если пригодится. На днях еду “в сторону” и, может быть, узнаю и увижу много более» [5, л. 12].

В ожидании обещанного К. Ф. Некрасов поместил в «Голосе» довольно объемную выдержку из «впечатлений», полученных Брюсовым «по дороге на театр военных действий» и уже представленных «Русскими ведомостями» под названием «Путь на Запад». Подчеркнем, что «Голос» сотрудничал со столичными газетами, и в «Обзоре печати», регулярно появлявшемся на 1–2 страницах в непосредственном соседстве с подборками «Дневник войны», «Мировая война» и другими, давались с незначительной отсрочкой во времени, со ссылкой на печатный орган и автора извлечения из опубликованного. В данном случае это была заметка репортажного свойства «Война и население». Позднее В. Брюсов еще не однажды представал перед читателями ярославской газеты в качестве корреспондента «Русских ведомостей».

«Варшава в дни войны»[4] (о ней говорилось в письме к Некрасову) оказалась большой статьей, подписанной Брюсовым 26 августа и появившейся в газете 31 августа, а 3 сентября увидела свет написанная 27 августа статья «Рассказ беженцев».

---

[3] Здесь и далее курсивом выделено то, что в авторском тексте подчеркнуто.

[4] Поскольку тексты В. Брюсова из ярославского «Голоса» представлены в сборнике полностью и с точным указанием источника, считаем возможным в статье ограничиться воспроизведением названия той или иной публикации, исключив ее библиографическое описание.

Обе публикации давали панорамные картины увиденного, содержали множественные свидетельства очевидцев происходящего. Массовое участие поляков в мобилизации, восторженное отношение к русским войскам, сострадание к раненым и беженцам из оккупированных районов – все должно было показать подъем братских чувств, духовное единение армии и тыла, поддержать веру в победу русских и их моральное превосходство.

Эти статьи, как и последующие, были подписаны полным именем поэта и помечены рекомендацией «от нашего корреспондента», что, несомненно, сближало знаменитого хроникера с провинциальным адресатом, усиливало доверие неосведомленных. Нередко, особенно на первых порах, предварялись эмоционально близкими, не исключавшими намеренной переклички стихами Н. Ашукина[5], его апелляцией в виде эпиграфа к поэтическим опытам Ф. Тютчева, почитаемого и Брюсовым. Возьмем, например, строфу из стихотворения, предшествовавшего упомянутой выше статье «Рассказ беженцев»:

И вот мы все в заветных думах,
Перед судьбой склонившись ниц,
Все там – в грозе, в военных шумах
У крепостей и у границ.

Так и было. Некрасов ждал новостей, их жаждали все: газеты передавались с поездами в деревни, а Ярославль наполнялся ранеными и беженцами. Следующее письмо от Брюсова пришло 14 сентября, уже из Люблина: намерения поэта корректировались реальностью. «…Я не успел написать ничего существенного для “Голоса”, – объяснял он. – Посылаю Вам <…> обзор событий на нашем Северном фронте, составленный частью на основании *личных* наблюдений (мои поездки в Цеханов, Прасныш, Пултуск, мои беседы с “беженцами”, etc.). Эти личные, непосредственные наблюдения и дают мне решимость предложить Вам такой обзор. Для связности я должен был, ко-

[5] Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972) – библиограф, литературовед (автор фундаментальных трудов о жизни и творчестве Н. А. Некрасова и В. Я. Брюсова), а в рассматриваемый период секретарь «Книгоиздательства К. Ф. Некрасова» и активный сотрудник «Голоса».

нечно, использовать и др. известия, как официальные, так и частные <…>. Но, по возможности, все “чужое” изложено кратко, а “свое” более подробно». Тогда же предлагал перейти на телеграфный способ общения: «За последнее время я весьма научился этому ремеслу и умею телеграфировать кратко, интересно и красочно» [5, л. 14].

Можно допустить, что именно такими «телеграммами» были короткие информационные сообщения «Поездка А. И. Гучкова в германскую армию» и «В Галиции» (экстренность последней подчеркивалась рубрикой «Ночные известия»). Но даже если предположение верно, они стали исключением. И в силу их немногочисленности, мы не будем возвращаться к этому типу высказываний.

Объемные же, иногда разделенные на несколько частей корреспонденции, реже предполагаемого, но регулярно, печатались на второй и третьей страницах «Голоса», занимая «литературный подвал». Вот некоторые их названия: «На границе», «На северном фронте», «На левом берегу». Указывая на местонахождение фронта, статьи, подобно двум первым, являлись результатом поездок, совершаемых писателем в прифронтовую зону и освобожденные районы Польши и Галиции. В них не было грохота пушек и свиста пуль, разве что отдаленные, а были молчащие развалины, изуродованная земля и как часть ее – убитые и орудия убийства. Возгласы ликования не заглушали стонов обездоленных.

В противовес представлениям о правовых методах ведения войны в корреспонденциях Брюсова все чаще упоминались беспринципные воздушные налеты немецких «таубе» на незанятые войсками города, изощренное насилие и откровенные зверства «культурных завоевателей» в плененных местностях.

Установилась определенная частота сообщений: примерно через две недели, 22 сентября, Брюсов прислал следующий материал, сопроводив личным письмом в простом белом конверте с двумя прямоугольными печатями: «Вскрыто военной цензурой» и «Военный цензор» такой-то. Написанное выдавало высокий душевный настрой пишущего, обусловленный победой: «…Отсылаю Вам описание своей поездки в Галицию и в Ярослав. Кажется, там есть вещи любопытные. <…> Через несколько дней я уезжаю *на север*. Там, очевидно, мне удастся видеть много даже более интересного,

чем в Галиции. Всем этим я поспешу поделиться с читателями “Голоса”. Кроме того, у меня собран богатый материал наблюдений, использовать которые *сейчас* нельзя, но которые *потом* дадут мне возможность написать ряд стоящих внимания ретроспективных статей» [5, л. 15].

Публикации «В русской Галиции» свойственны яркий репортажный стиль, элементы поэтизации происходящего, видна попытка интимизировать общение с адресатом: «Как странно, что все это совершается не в Ярославле на Волге, а в Ярославе на Сане, еще несколько дней назад австрийском городе!». Но именно она, чрезвычайно привлекательная, так неожиданно, так невольно сближала освободителей с завоевателями в национальных амбициях.

Было очевидно также, что война огрубляла нравы не только воюющих. Статья «Паломничество на поля битв» рассказала о пикниках относительно благополучной части населения на месте прокатившихся сражений, об экскурсиях чувствительных барышень и молодых людей на немецкие и русские позиции, о поисках боевых «реликвий» (прусских касок с медным орлом, ранцев и биноклей, кожаных портсигаров и т. д.), о беззастенчивых спекуляциях найденным. Попытка представить кощунственные, по мнению автора, факты как единичные не снижала шокирующего впечатления, а скорбная нота реквиема, прозвучавшая в конце, только усиливала его.

В том же упомянутом выше письме поэт, имевший обязательства перед издателем, предупреждал о возможном своем приезде в Москву в октябре 1914 г. И не только оставленные дела побуждали его к этому. Еще в сентябрьском письме к жене он не мог скрыть досады: «…4 корреспондента допущены на театр. Меня в их числе нет. Это меня сильно побуждает вернуться в Москву. Но очень обидно уехать, не видав ни одного сражения!» [1, с. 432]. Представления Брюсова о возможностях военного корреспондента, его значимости были подорваны[6].

---

[6] Исследователями творчества Брюсова отмечен интерес публики к его статьям: «их читали и ценили», они «имели немалый общественный резонанс» [7, с. 84; 1, с. 429].

Сближение с фронтом все-таки состоялось, и результатом стала большая статья «Бои под Ловичем». Здесь особенно чувствуется литературная обработка исходного материала: статья построена на сопоставлении наблюдаемого боя с пушкинской Полтавской битвой (описанию предшествуют известные всем строки), оживляется метафора «театра войны»; несмотря на тяжесть переживаемого момента, звучат героические аккорды. Но более трогают безыскусные солдатские диалоги.

Постепенно Брюсов начал испытывать отвращение к войне, которую сначала воспевал и называл «великой», не отказывая в отваге и врагу. Перемене способствовало познание не лица – личины войны, душевная усталость от виденных страданий. «Нет у нас, нет сил всматриваться в это зрелище!» – восклицает он в той из московских публикаций, где речь идет как раз о «поездке в Лович» [1, с. 441].

Ярославские корреспонденции еще не дают увидеть разочарования Брюсова «в правительстве, в командовании, в союзниках, в самой войне» [7, с. 84]. Но поэт был не слишком доволен собой, скромно оценивал собственные корреспондентские заслуги, отвечая на похвалы коллег во время громкого чествования его по возвращении в Москву в январе 1915 г., называл себя новичком и учеником в этой области литературного труда и говорил о желании вернуться к привычной для него «мирной» работе.

Письма Брюсова к Некрасову позволяют сделать вывод, что в Москве состоялась их встреча: обсуждались текущие дела и новые проекты, им сопутствовали заверения в дружбе и взаимные претензии, одинаково явленные в письмах, возобновившихся после отъезда поэта на фронт в конце января 1915 г.

Брюсов возвратился в Варшаву, успев к началу наступления немцев в районе Мазурских озер. Сильнейшие бои разгорелись в районе Прасныша. Права оказаться в расположении войск приходилось долго добиваться (есть предположение, что повредило ему и данное московской газете откровенное интервью [1, с. 437]). В февральском письме жене поэт вновь сетует: «…Последние дни крайне хлопочу. Дело в том, что по некоторым причинам официального характера корреспонденты с недавнего времени поставлены в положение вдесятеро более тяжелое, нежели раньше <…>. Доходило до того, что я не видел никакой воз-

можности продолжить свою работу <…>. Но тут вмешался Н. А. Морозов (бывший шлиссельбуржец) и попытался дело уладить. Для этого, однако, мне приходится посещать множество лиц <…>, ждать в приемных, писать заявления и etc…» [1, с. 439].

Позже «Голос» опубликует беседу с Н. А. Морозовым, который, по возвращении из почти двухмесячной поездки на передовые позиции в качестве делегата всероссийского земского союза, жил в имении Борок Мологского уезда Ярославской губернии. «Я был в Прасныше во время бомбардировки, – скажет он. – Бомбардировка продолжалась день и ночь, беспрерывно. <…> Со всех сторон слышался гул и треск» [2, с. 3].

Тем временем корреспонденций от Брюсова не приходило. Весной 1915 г. началось наступление в Галиции. Прифронтовая жизнь поэта была напряженной: «Шесть дней мы почти не выходим из автомобиля. Последний день ехали беспрерывно 23 часа, от 5 утра до 4 ночи»; «Впечатления лишь от поездок. Потом я целые дни пишу. (Ведь за 59 дней я написал 29 статей в “Рус. Вед.” и две статьи в “Голос”, т.е. по статье менее чем в 2 дня). <…> Свободных часов не остается. А если бывают свободные минуты, пишу стихи и перевожу…» – сообщал он жене, Иоанне Матвеевне [1, с. 439].

И Некрасову Брюсов прислал в марте письмо из Варшавы, прося извинить за «большое промедление»: «…то надо ехать набирать впечатления, то эти впечатления пересказывать, то опять ехать. И так день за днем, неделя за неделей <…>. Что касается дальнейшего моего сотрудничества в “Голосе”, то я не знаю, нужно ли оно, и это лишает меня энергии писать для Вашей газеты. Из разговора с Вами я вынес впечатление, что для “Голоса” мои корреспонденции – излишняя роскошь (по словам самого поэта, Некрасов хорошо, даже щедро для провинциальной газеты, платил ему за публикации – Г. М.)… Впрочем, на днях я доставлю Вам небольшую статейку о погибшем Гурдове, в которой будут данные, еще не появлявшиеся ни в одной ни столичной, ни провинциальной газете (и не включенные в мою вторую статью о Гурдове, недавно посланную мною в “Р. Вед.” <…> Сердечно преданный Вам Валерий Брюсов» [6, л. 1, 4].

Большой портретный очерк[7] «Гурдов» – единственный среди ярославских корреспонденций, создавший «образ русского офицера», ставший, по сути, памятником ему, геройски погибшему. Развернутый репортаж «На улицах Перемышля» намеренно возвращал читателей мыслью к прогулке по «завоеванному» русскими Ярославу галицийскому и отраженному в городских сценках стремлению воюющих к мирной жизни. Гибель одного известного героя и множества неизвестных, завоевывающих и сдающих города, воспринималась как насилие, «грех» настоящего перед будущим.

Мартовская и апрельская публикации «с театра войны» в ярославской газете стали последними, не было больше и «военных писем»: поэт вернулся в Москву. В августе 1915 г. началось наступление на севере Восточного фронта. Русская армия несла катастрофические потери. Были оставлены Галиция, а также Польша и Литва. Но русские продолжали воевать. Усугублялась и без того тяжелая жизнь в прифронтовой полосе, так ярко описанная Брюсовым: обстрелы, реквизиции, контрибуции, жесткость германского оккупационного режима, наглость сепаратистов, проблемы беженцев, нехватка продовольствия. Война безвозвратно утратила романтический облик.

В одной из последних публикаций в «Русских ведомостях» Брюсов, со слов участника боев, писал: «Жаловались и раньше, что нынешняя война ведется ожесточенно <…>, но то, что происходило до сих пор, *теперь* кажется детской добродушной игрой…» [1, с. 442].

«Великий раздор в среде европейских народов и страшный лик, обнаруженный Германией, в самом основании потрясли все несколько идиллическое мировоззрение поэта», – скажет Брюсов в опубликованной «Русскими ведомостями» статье-рецензии на книгу Эмиля Верхарна «Окровавленная Бельгия» [9, с. 5]. В определенной мере эти слова можно отнести к нему самому, верившему, как многие его коллеги в августе 1914 г., что в войне будет найдено «невозможное слияние мечты и силы, что

---

[7] На самом деле была и «статейка» «Гурдов» – цитата из «Русских ведомостей», которая, выполнив роль анонса, предварила объемную публикацию с тем же названием.

война раскроет перед человечеством ослепительные перспективы» возрождения человечности и братских начал в воюющих, а в русской жизни «смоет все грязное, пошлое, реакционное» [1, с. 428, 429]. «Страшный год войны» не принес мира, а свободу – разве что от иллюзий [4, с. 320].

Заканчивая представление военных публикаций В. Я. Брюсова в ярославской газете «Голос», отметим их естественную взаимосвязь с опубликованными статьями в «Русских ведомостях». Последовательное и скрупулезное сопоставление текстов позволяет утверждать, что объединенные временем и местом действия, образами героев, отдельными деталями и общим настроением, они нигде и ни к какой мере не носят характера простого дублирования. Они составляют единый ряд «хроники» войны, усиленные художественной выразительностью документальные свидетельства времени в картинах и лицах, с вкраплением живых голосов, не исключающих лица и голоса автора, ведущего диалог с коллективным читателем.

В этом смысле статьи Брюсова есть часть профессионального дискурса, поддерживаемого усилиями редакции. Публикации-цитаты из «Русских ведомостей» также приобретают значимость. Не фиксируя их с помощью кавычек, не указывая номера газеты-источника, редакция прибегает к ссылке на «г. Брюсова» и выделяет заимствованное высказывание чуть меньшим по размеру шрифтом. Актуализированным мог оказаться, как показал анализ, любой фрагмент оригинального текста. Однако выбор нельзя назвать случайным. Тема или наиболее важная мысль имплицировалась с помощью заголовка («Бомбисты над Варшавой», «Наказанное самомнение», «Неутомимые»), не совпадающего, как правило, с заголовком цитируемого оригинала (например, «О варварстве немцев» и «Ночь в мертвом городе»). В газете, организующей и освещающей кампанию помощи воюющим, фиксировалось внимание на «…раздаче подарков в армии»; в гуще явленного на газетной полосе зла, устрашающей жестокости врага и его приспешников («Ужасы войны») акцентировались редкие на войне факты гуманного отношения к сопернику, или, вопреки порочащим слухам, подчеркивался боевой дух солдата («Русский солдат»). Малый объем не лишал высказывание языкового своеобразия и

воздействующей картинности, не присущих сдержанным строчкам официальных «депеш».

Эта газетная хроника монтировалась с другими текстами, становясь частью целого – обзора событий, дел и мнений – репликой в общем хоре, определявшем звучание ярославского «Голоса».

Использованные источники и литература

1. Ашукин, Н. С., Щербаков, Р. Л. Брюсов [Текст] / Н. С. Ашукин, Р. Л. Щербаков. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 689 с.
2. Беседа с Н. А. Морозовым [Текст] // Голос. – № 126. – 1915. – Пят. 5 (18) июня.
3. Брюсов, В. Я. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Стихи и поэмы [Текст] / В. Я. Брюсов. – М. : Худож. лит., 1987.
4. Букчин, С. Корреспондент Валерий Брюсов [Текст] / С. Букчин // Неман. – 1987. – № 6.
5. ГАЯО. Ф. 952 «Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, г. Ярославль Ярославской губернии. 1911–1917 гг.». Оп. 1. Д. 49. 18 л.
6. ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 50. 25 л.
7. Молодяков, В. Э. «Высоких зрелищ зритель»: Валерий Брюсов и Большая Политика [Текст] / В. Э. Молодяков. Загадки Серебряного века. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – С. 50–106.
8. Некрасов, К. Ф. Единая Россия [Текст] / К. Ф. Некрасов // Голос. – № 167. – 22 июля (4 августа) 1914.
9. Окровавленная Бельгия [Текст] // Рус. вед. – № 154. – 1915. – 5 июля.
10. Ярославская жизнь [Объявление о сотрудничестве В. Брюсова с «Голосом»] [Текст] // Голос. – № 171. – 1914. – 26 июля (8 августа).

УДК 94(470)1914/1918+355.721

Б. Р. Лозинский

ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЯРОСЛАВЛЕ

Аннотация

В статье идет речь об организации лазаретов и госпиталей в Ярославле в годы Первой мировой войны. Рассматриваются этапы сортировки и лечения больных и раненых воинов.

Первая мировая война внесла значительные коррективы в деятельность земств по оказанию медицинской помощи населению. Многие земские медицинские работники были мобилизованы на военную службу. Так, из Ярославской губернии ушли на фронт 37 врачей и 33 средних медицинских работников. Из Ярославской губернской земской больницы были призваны врачи А. А. Успенский, А. А. Голосов, В. В. Лихачев, Б. Н. Крылов, Н. В. Соловьев и два фельдшера. Значительно уменьшилось количество коек в земских больницах для гражданского населения.

В условиях войны значительно возросли цены на медикаменты. Все это внесло дополнительные трудности в организацию земством медицинской помощи населению.

Глобальность проблем, возникших в связи с Первой мировой войной, в том числе и в области медицины, потребовала объединения и координации всех сил земств в России, поэтому 30 июля 1914 г. в Москве на съезде уполномоченных губернских земств был создан Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. На этом съезде Ярославское губернское земство представляли С. М. Леонтьев и Д. Е. Тимрот. На съезде был избран главный комитет союза и его главнокомандующий – князь Г. Е. Львов.

Главная забота земского объединения была направлена на эвакуацию раненых, а именно на принятие от военного ведомства и Красного Креста раненых, доставляемых с полей сражения на

© Лозинский Б. Р., 2013

распределительные и окружные пункты и размещение их в местных земских лазаретах. Кроме того, в задачи Союза вошли организация санитарных поездов, питательных пунктов, заготовка медикаментов и белья для больных и раненых, подготовка медицинского персонала, помощь беженцам, военнопленным.

Основной структурой Союза на территории Ярославской губернии стал губернский комитет, организованный в июле 1914 г. В его состав входили гласные (депутаты) губернского земского собрания, представители уездных комитетов, член санитарного бюро губернского земства, представители губернского санитарного совета.

Приведем здесь состав Ярославского губернского комитета по оказанию помощи больным и раненым, утвержденный экстренным губернским земским собранием 28 июля 1914 г. Председатель комитета – Д. Г. Тимрот. Члены комитета: гласные (депутаты) – К. К. Черносвитов, Д. В. Колачев, С. А. Хомутов, Г. В. Макаров, В. И. Ивановский, А. П. Львов, В. Н. Крылов. Санитарные врачи – П. С. Новиков, Н. Н. Курочкин, Г. И. Курочкин. Врачебный инспектор – И. О. Зубов. Представитель Дамского комитета – В. Г. Горяинова. Представитель от медицинского персонала госпиталей – О. И. Спасокукотская. Бухгалтер губернского земства – А. И. Смирнов [3].

В функции Ярославского губернского комитета по оказанию помощи больным и раненым входило планомерное распределение поступающих раненых и больных по уездам и отдельным пунктам губернии, устройство специальных госпитальных учреждений для лечения раненых, а также субсидирование уездов и противоэпидемическая работа.

К деятельности Комитета относился вопрос об организации помощи воинам, получившим на фронте увечья. Предварительно губернским комитетом было проведено анкетирование для выяснения количества инвалидов и степени их инвалидизации. Анкеты, составленные бюро Комитета, были разосланы в 900 церковных приходов Ярославской губернии.

Основную массу раненых в Ярославль эвакуировали санитарными поездами. Так, только в августе 1914 г. в Ярославль прибыло 2 транспорта с 350 ранеными. В сентябре прибыло еще

588 раненых. В октябре 1914 г. поток раненых увеличился до 6 транспортов (2160 человек).

В местах пребывания раненых и больных устраивались распределительные и «питательные» пункты. В Ярославле такой пункт был открыт 15 октября 1914 г. с раздачей горячей пищи (два блюда) одновременно на 400 человек.

В период навигации раненые эвакуировались водным путем по Волге. В 1915 г. раненые поступали на пароходах обществ «Самолет», «Русь», «Волго-Камское». Из Ярославля раненых отправляли в госпитали Норского завода, Романово-Борисоглебска, Мологи, Углича, Диево-Городища.

Важнейшей задачей Ярославского губернского земства в период Первой мировой войны стало устройство госпиталей и лечение в них больных и раненых. На территории губернии планировалось развернуть 3 тыс. коек. На 1 октября 1914 г. в ведении Ярославского губернского земского союза насчитывалось 1663 койки, а к 15 декабря количество их увеличилось до 2673 коек в 64 лазаретах. Подавляющее большинство коек было развернуто уездными комитетами.

Наибольшее количество больных и раненых прошло в 1914 г. через госпитали в Ярославле (2153), в Ростове (954) и в Рыбинске (895).

На чьи средства были оборудованы госпиталя? На этот вопрос отвечают сохранившиеся документы. На средства Всероссийского Земского Союза – 1065 коек; частных и общественных организаций – 975 коек; местных земств – 406 коек; земства совместно с общественными организациями – 192 коек [3]. Таким образом, значительную роль в деле госпитальной помощи раненым играли частные и общественные организации.

Поскольку в лазаретах преобладал контингент хирургических больных, требующих иногда оперативной помощи, которой госпитальные врачи, не будучи хирургами, оказать не могли, губернский комитет учредил для госпиталей две должности консультантов-хирургов. В их обязанности входило производство операций и консультирование раненых. Всего за период с марта по сентябрь 1915 г. хирургами-консультантами было проведено 62 операции. На этих должностях работали врачи Н. В. Соловьев и Г. Г. Фальк. За шесть месяцев 1915 г. Н. В. Соловьевым было

сделано 36 операций, а Г. Г. Фальком – 27 оперативных вмешательств.

Наличие значительного числа хирургических больных в госпиталях потребовало введение в штат должности специалиста по массажу для ускорения реабилитации раненых.

К специальной госпитальной помощи можно отнести приобретение рентгеновского аппарата в губернской земской больнице и приглашение специалиста-рентгенолога. Всего на содержание рентгеновского кабинета в 1914 г. было израсходовано 3131 руб. 52 коп.

Вследствие частых жалоб заведующих ярославских госпиталей на недоброкачественность и задержку в получении для лечебных учреждений хлеба из частных булочных, губернским комитетом была организована и стала функционировать с 1 декабря 1914 г. собственная хлебопекарня, рассчитанная на выпечку 50 пудов черного хлеба, 25 пудов белого и 500 французских булок.

К концу 1914 г. был приведен в жизнь вопрос по урегулированию норм и состава одинаковых для всех госпиталей пищевых порций. На каждого больного полагалось по 3–4 фунта мяса в день, 1,5 фунта черного и 1 фунт белого хлеба. Стоимость питания каждого больного в госпиталях составляла 26,7 коп. в день. В 1917 г. в Ярославской губернии возникли трудности с обеспечением раненых питанием. Для улучшения рациона питания Главный комитет Союза ассигновал 6 тыс. руб. на организацию огородов для лазаретов в Ярославле.

Одной из задач, стоявших перед Ярославской земской медициной в период Первой мировой войны, была профилактика инвалидизации.

С целью снижения инвалидизации больных и раненых воинов в госпиталях внедрили в практику физио-, механо-, свето-, водолечение и массаж. Широко практиковалось обучение различным профессиям увеченных воинов. Для ускорения реабилитации больных в лазаретах в Ярославле устраивались экскурсии для раненых в дачные места города.

Санитарно-хозяйственное состояние госпиталей в Ярославле на 1914 г. можно признать удовлетворительным. Везде имелось электрическое освещение, а также ванные комнаты, теплые туалеты. Комплект белья для больных состоял из трех смен.

Летом 1915 г. в Ярославскую губернию хлынул поток беженцев, которые часто «оставались без всякого попечения со стороны администрации» [3]. Для предупреждения развития заболеваний среди беженцев на станции Всполье была организована амбулатория, в которой работали один врач и два фельдшера. При них имелась аптека. Всего было принято амбулаторных 1921 больных; из них заразных больных – 214 человек. После выявления инфекционных больных вагоны дезинфицировались пароформалином. Находившиеся в контакте с больными здоровые люди изолировались в другой вагон.

Кроме того, что медицинскими работниками оказывалась медицинская помощь, им приходилось осматривать каждый поезд с беженцами, прибывающими на станцию Всполье на предмет выявления заразных больных. Таким образом, приемный покой играл роль изоляционно-пропускного пункта в деле эвакуации беженцев через Ярославль. С 1 декабря 1916 г. амбулатория была закрыта в связи с прекращением эвакуации беженцев.

Рассмотрим порядок сортировки больных и раненых воинов в Ярославле.

Губернский комитет за сутки по телеграфу получал извещение о времени прибытия поезда из Москвы. К этому времени готовились перевозочные средства у вокзала станции Всполье. Главным перевозочным средством для раненых являлись трамвайные вагоны и частные экипажи. На лошадях перевозили раненых только в лазареты, которые находились далеко от линии трамвая. По прибытии поезда начиналась сортировка раненых и больных согласно предварительно составленному распределению. Лазареты города Ярославля были организованы земством, частично – городом и частично – на средства частных организаций и лиц. Наиболее крупные лазареты – это земские и городские. Два из них по своему оборудованию и медицинской помощи были приспособлены для лечения тяжелораненых. Отбор тяжелораненых необходимо было проводить на открытой платформе, так как на вокзале не было теплого закрытого помещения, поэтому сортировка проводилась медленно. Тяжелораненых (носилочных) отправляли в первую очередь, обычно на лошадях и трамваях. С целью исключения отморожений в зимнее время для носилочных больных предоставлялись вагоны-«теплушки» – специально при-

способленные товарные вагоны с печкой и нарами. Нары устилались либо матрацами, либо мягкими полушубками. В каждом приеме раненых активное участие принимали студенты Ярославского Демидовского юридического лицея.

По прибытии в лазарет раненого помещали в особую приемную комнату. Там с него снимали всю одежду, стригли, мыли и переодевали в чистое белье. После этого переводили в отделение на койку. Снятое белье немедленно отправлялось в стирку и дезинфекционную камеру. В лазарете все вновь прибывшие раненые первые несколько дней отдыхали и только после этого получали заключение врача о дальнейшей тактике его лечения или эвакуации в уездный госпиталь. В теплое время года раненые эвакуировались по Волге на пароходах. По окончании навигации перемещение раненых из Ярославля прекращалось. Большой помехой было бездорожье. Перемещение раненых воинов из города восстанавливалось уже только при наличии санного пути.

За годы Первой мировой войны в лазаретах, расположенных на территории Ярославля и губернии была оказана помощь 42907 раненым и больным воинам. На основе собранных данных приведем следующую таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество раненых в лазаретах Ярославской губернии в 1914–1917 гг.

Дислокация лазаретов	1914	1915	1916	1917	всего
в городе Ярославле	2153	6505	6937	6223	21818
в уезды губернии из них эвакуированы	622	2243	1927	2011	6803
в городе Ростове	954	3949	2572	2831	10306
в городе Рыбинске	895	3407	2954	3527	10783
Всего	4002	13855	12463	12581	42907

Подводя итог, подчеркнем, что вся тяжесть оказания медицинской помощи легла на плечи немногочисленной группы медицинских работников – врачей, фельдшеров и сестер милосердия. Тем не менее, процент смертности и осложнений был минимальным.

Ярославскому доктору Н. В. Соловьеву раненые писали [5]:

«Многоуважаемый Николай Васильевич! Мы, русские войны, пришли сюда, чтобы сказать: "Граждане! Мы, раненые в окопах, кровью своей доказали преданность матушке России. И в окопах, и в тылу нас, страдальцев, постоянно сопровождали неустанные заботы врачей и лиц медицинского персонала. Среди этих врачей мы должны особенно отметить имя хирурга – душа-человек – Николая Васильевича Соловьева. Прими, батюшка, Николай Васильевич, от нас простое русское спасибо!»

Использованные источники и литература

1. Беляев, В. И. Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем [Текст] / В. И. Беляев. – Яросл. мед. ин-т. – Ярославль, 1961. – 138 с.

2. Волкова, Т. И. Становление и развитие земского здравоохранения в Ярославской губернии (1865–1917) [Текст] / Т. И. Волкова. – Ярославль : ООО «Лия», 2001. – 128 с.

3. Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства за 1915, 1916, 1917 гг. [Текст] – Ярославль, 1916, 1917.

4. 225 лет на благо здравию [Текст] / Департамент здравоохранения и фармации администрации Яросл. обл.; под ред. В. Н. Осинцева (пред.). – Ярославль : ООО «Лия», 2003. – 352 с.

5. Кройчик, Е. А. Загородный сад. Рукопись. Ярославль, 1970 (?) [Текст] / Е. А. Кройчик // Музей истории города Ярославля. Текущий архив.

6. Куковякин, С. А. Земская медицина северных губерний европейской России в годы Первой мировой войны. [Текст] / С. А. Куковякин // Здравоохранение РФ. – 1998. – № 2. – С. 45.

7. Лозинский, Б. Р. Ярославская губернская земская больница [Текст] / Б. Р. Лозинский. – Департамент здравоохранения и фармации Администрации Яросл. обл., Обл. центр мед. профилактики, Гос. арх. Яросл. обл. – Ярославль, 2005. – 178 с.

УДК 94(470)1914/1918+355.257

М. С. Кищенков

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПЛЕННЫХ И УСЛОВИЯ ИХ НАХОЖДЕНИЯ В ПЛЕНУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация

В данной статье рассматривается положение военнопленных – подданных Австро-Венгрии и Германии, оказавшихся в годы Первой мировой войны на территории Ярославской губернии. Анализируется их национальный состав, условия содержания, взаимодействие с местным населением, основные виды деятельности в плену, а также контроль за пленными со стороны властей.

Первая мировая война, активной участницей которой была Российская империя, привела к появлению в Ярославской губернии военнопленных и интернированных подданных, представлявших враждебные для России страны – Австро-Венгрию и Германию. Общее количество германских и австро-венгерских пленных в России оценивается историками в 2,4 млн. человек. По национальному признаку среди пленных можно выделить около 500 тыс. венгров, 250 тыс. чехов и словаков, 190 тыс. немцев (как австрийцев, так и собственно германских немцев), а также значительное количество словенцев, хорватов, румын, поляков, евреев и представителей других народов. Большая их часть размещалась в русской провинции [8], в том числе и в Ярославской губернии.

Первые военнопленные появились в Ярославской губернии практически сразу после начала военных действий. Так, 12 августа 1914 г. Министерство внутренних дел издало указ об объявлении военнопленными всех лиц мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, если таковые на момент начала военных действий имели германское или австрийское подданство. Эти пленные задерживались властями по обвинению в шпионаже или в

© Кищенков М. С., 2013

мнимом или явном сочувствии своему историческому Отечеству [5, л. 26].

С осени, после начала активных военных действий в Восточной Пруссии и Галиции, появились и собственно военнопленные, причем с каждым месяцем их поток увеличивался. Особенно это касалось пленных австрийцев, чья армия терпела поражения от русских войск и отступала. К примеру, в декабре 1914 г. через Ярославль практически каждый день проходили эшелоны с пленными, иногда в очень большом количестве – свыше тысячи человек [5, л. 26]. Среди военнопленных появились и офицеры, в том числе генералы. В одном из декабрьских эшелонов находились «20 офицеров и 1 генерал… 40 унтер-офицеров и 1212 нижних чинов» [5, л. 26]. Всего за пять месяцев через Ярославль проследовало около 27 тыс. человек военнопленных и интернированных.

В подобных условиях ни военная, ни гражданская администрация не были готовы к приему большого количества новых пленных. Первые партии пленных в городах Центральной России размещали в неподготовленных помещениях. В дело шли доходные дома, казармы новобранцев и дровяные сараи. Для Европейской части страны были характерны мелкие лагеря (от 2 тыс. человек) и рабочие команды [1, с. 42]. В ряде провинциальных городов свободное, «в традициях XIX века, размещение офицеров (бесконвойный выход в город, покупки на рынке и т. д.) вызвало взрыв патриотических протестов» [7, с. 101] со стороны населения.

Российское правительство 7 октября 1914 г. утвердило «Положение о военнопленных», включавшее 31 пункт. В целом содержание военнопленных по нему было достаточно суровым, но при этом не шло ни в какое сравнение с тяжёлым положением русских пленных в немецких лагерях. Так, офицеры-пленные имели право носить холодное оружие, им не возбранялось писать письма домой, они могли совершать «личные покупки», иметь личное имущество (за исключением «карт и лошадей»).

В Положении особенно отмечалась необходимость соблюдать религиозную свободу в среде пленных, в частности, им позволялось отмечать религиозные праздники. Личная собственность пленных считалась неприкосновенной. В документе

содержалось требование обращаться с пленными как «с законными защитниками своего отечества, человеколюбиво» [4, л. 3].

Работы, к которым могли быть привлечены немцы и австрийцы, должны были быть не изнурительными, с ограничениями по времени. Офицеры имели право на получение питания в соответствии с офицерскими нормами русской армии, сообразно своему чину.

Впрочем, ужесточение войны вело и к изменению отношения к пленным. В начале 1915 г. австрийским офицерам запретили носить холодное оружие. Это было закономерной реакцией на жестокое обращение их коллег с русскими пленными. Ситуация с пленными Германии и Австро-Венгрии стала изменяться в менее терпимую для пленных сторону. Положение военнопленных враждебных государств с 1915 г. стало более контролируемым.

С конца 1914 г. военнопленных стали оставлять на территории Ярославского края на постоянное поселение. Часть пленных содержали в специальных помещениях, «казарменным порядком», на экономических объектах, а также в пересыльных тюрьмах. Были созданы и лагеря для больных солдат.

Важной составляющей во взаимоотношениях с контингентом пленных стал национальный вопрос. Российское правительство приняло решение о разделении пленных по национальному признаку. Так, немцев, венгров и лиц славянского происхождения стремились содержать отдельно друг от друга.

Представители власти как центральной, так и местной, стремились привлечь на свою сторону подданных славянских государств, оказавшихся в рядах германских и австро-венгерских войск. Необходимо было создать для них благоприятные условия содержания с целью привлечения на свою сторону. Лица славянского происхождения использовались преимущественно на крупных фабриках и заводах, а также в частных поместьях и предприятиях, где контроль над ними был минимален. Пленные находились здесь фактически на положении наемных рабочих.

Впоследствии правительство приняло решение о формировании подразделений из числа пленных славян австрийской армии в первую очередь чехов, словаков, сербов, хорватов.

В 1916 г. стали формироваться сербские дивизии и чехословацкая бригада. Таким образом, пленные австрийской армии становились частью вооруженных сил России и фактически теряли свой статус пленных. Немцев и венгров содержали значительно жестче: существовали специальные ограничения по работам, где они могли быть задействованы [7, с. 101]. Однако и для них были возможны некоторые послабления.

В Ярославской губернии также можно было встретить представителей разных этносов среди пленных: венгров, немцев, словаков, хорватов, словенцев, сербов, поляков и чехов. В 1915 г., после объявления Болгарией войны России, в Ярославский край стали ссылать подданных болгарского происхождения, а затем и военнопленных. Наиболее значимыми в количественном отношении национальными меньшинствами были чехи, словаки, поляки, венгры и немцы, представителей других национальностей практически не было. Таким образом, национальный состав пленных был достаточно разнообразным.

Отметим, что в 1915 г., когда Италия вступила в войну на стороне Антанты, было принято решение о выделении итальянцев из числа пленных австрийских солдат и офицеров с целью в дальнейшем отправить их на родину. В Ярославской губернии итальянцев оказалось двое, они работали на гидротехнических сооружениях и выезжать на историческую родину отказались [2, л. 104]. Положение пленных было вполне свободным. Они обладали целым рядом прав, были во многом защищены от какого-либо произвола со стороны властей и местного населения.

Постепенно военнопленных стали привлекать к выполнению различного рода общественных работ, связанных, в основном, с ремонтом дорог, строительством промышленных объектов, а также в качестве разнорабочих. В начале 1915 г. правительство стало стремиться заинтересовать города и земства в использовании труда пленных: «Казна не остановится даже перед некоторым содействием земствам и городам в покрытии также и прочих расходов, связанных с произведением означенных работ» [3, л. 24]. Пленных разрешили использовать на мелиоративных и гидротехнических работах, строительстве грунтовых дорог и дорожных знаков, осушении болот. В конце 1915 г. было принято решение о передачи пленных и в ведение

Министерства земледелия для осуществления ими работ в сельской местности.

В июне 1915 г. городская дума направила запрос на размещение в Ярославле уже нескольких тысяч пленных. На их содержание и обеспечение Ярославская городская управа просила у правительства около 30 тыс. руб., а на закупку инструментов для работы – около 6 тыс. [3, л. 25об.]. На сельскохозяйственных работах использование военнопленных началось в 1915 г. Ярославское уездное земство на своем заседании в начале 1916 г. признало это эффективным и решило расширить сферу данной деятельности. В Ярославском уезде на сельскохозяйственных работах в 1915 г. было 197 пленных, а в 1916 г. их количество было увеличено до 370 человек [6, с. 6]. Земства часто принимали решения о дополнительных выплатах для отличившихся в труде пленных. Например, в Любиме на эти цели местные власти израсходовали сумму в 150 руб. [2, л. 104].

Интересно, что местные администрации отмечали, что лучше привлекать военнопленных из числа австрийских славян как более способных наладить взаимоотношения с местным населением и в целом, хорошо относящихся к России. Отмечалось их дружелюбие по отношению к русским и желание заниматься предлагаемой работой.

В Ярославскую городскую думу поступали прошения от частных граждан по вопросу использования пленных в их хозяйствах. Так, крестьянин И. Софронов просил отпустить ему четырех пленных австрийцев для работ в извозном промысле: «Занимаясь извозным промыслом в настоящее время, вследствие безлюдья, не достает рабочей силы. А потому имею честь покорнейше просить Губернскую Управу, не найдет ли таковая возможным сделать распоряжение об отпуске мне в качестве возчиков и для прочих работ четырех пленных австрийцев» [3, л. 24]. Таким образом, появлением новой рабочей силы стремилось использовать не только государство, но и местное население.

Использование труда пленных в 1915–1917 гг. приняло весьма массовый характер: «Количество пленных, занятых в экономике России в 1917 году, составляло около 1,5 млн. человек, причем, по отдельным предприятиям, отраслям, регионам удельные цифры были очень высоки» [9, с. 144].

Подводя итог, отметим, что национальный состав пленных был многообразным. Преобладали представители славянских национальностей из Австро-Венгрии, германских пленных было сравнительно немного. Местное население лояльно относилось к пленным, терпимо воспринимало появление новых национальных меньшинств на территории Ярославской губернии, а пленные славянской национальности вызывали скорее сочувствие, чем неприязнь. Имевшие место конфликты были немногочисленны и носили бытовой характер. Сами пленные относились к местному населению благожелательно; конфликты, спровоцированные ими, также были редки.

Правительство и местные власти приняли решение о привлечении пленных к местным хозяйственным работам. Это решение активно проводилось в жизнь. Работы, на которых использовали пленных, были разнообразными. При этом их положение мало отличалось от положения простых наемных рабочих. У пленных был нормированный рабочий день, их обеспечивали всем необходимым, оплачивали их труд, даже осуществляли систему вознаграждения. В целом пленные широко использовались местными администрациями и частными предприятиями, их вклад в хозяйственную жизнь губернии этого периода достаточно весом.

Использованные источники и литература

1. Белова, И. Б. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны [Текст] / И. Б. Белова // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 12. – С. 42.

2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). – Ф. 485. – Оп. 1. – Д. 1043.

3. ГАЯО. – Ф. 509. – Оп. 1. – Д. 2132.

4. ГАЯО. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 163.

5. ГАЯО. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 164.

6. Журнал чрезвычайного Ярославского уездного земского собрания за 1916 год [Текст]. – Ярославль, 1916.

7. Иванов, Ю. А. Военнопленные Первой мировой в российской провинции [Текст] / Ю. А. Иванов // Отечественные архивы. – 2000. – № 2. – С. 100–104.

8. Крючков, И. В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны [Текст] / И. В. Крючков. – Ставрополь, 2006.

9. Солнцева, С. А. Военнопленные в России в 1917 г. (март – октябрь) [Текст] / С. А. Солнцева // Вопросы истории. – 2002. – № 1. – С. 143–149.

УДК 94(470)1914/1918+338.436

И. Д. Самолётов

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация

В статье проанализирована деятельность землеустроительных комиссий Ярославской губернии в годы Первой мировой войны с целью выявления их эффективности в разрешении аграрного вопроса в губернии.

Начало Первой мировой войны, хотя и внесло некоторые помехи в динамику обновления земельных отношений, все же не привело сразу к затуханию земельной реформы. Несмотря на организационно-технические проблемы и осложнение социальной обстановки в деревне, землеустроительные работы не только продолжались, но и во многом оставались вполне органичной частью процесса аграрной модернизации, особенно в Ярославской губернии, где реформа осуществлялась наиболее последовательно и вошла в решающую стадию.

Уход на фронт большей части мужского населения деревни неизбежно порождал множество проблем при согласовании интересов участвующего в землеустройстве крестьянства. В отсутствие домохозяев сельские общества ходатайствовали о приостановке производства по делам, не подкрепленным со-

© Самолётов И. Д., 2013

гласием мобилизованных однообщественников. Кроме того, как отмечалось в отчетах уездных землеустроительных комиссий, вследствие массового призыва изменилась «физиономия схода», внутри которого резко усилилось влияние самых консервативные его элементов – женщин, что оказалось серьезным препятствием в работе землеустроителей, обостряя внутридеревенские отношения [1, с. 68]. Сопротивление женщин столыпинскому землеустройству, наблюдавшееся и в прежнее время, особенно активизировалось в военные годы, когда их роль как в общественной, так и в хозяйственной жизни села необычайно возросла. Решительные протесты женщин против продолжения землеустройства до возвращения их мужей нередко принимали достаточно отчаянный характер, накаляя и без того непростую атмосферу в стране [2, с. 394–395].

В сложившейся ситуации, учитывая абсолютное преобладание крестьян среди новобранцев и их пристальное внимание к земельным делам в тылу, нельзя не признать своевременным изданный циркуляр ГУиЗ № 31 от 29 апреля 1915 г. о приостановлении дел, проводимых в обязательном порядке и связанных с интересами лиц, призванных на войну [3, с. 153]. Но последствия этого документа, а точнее, его обнародования в печати не ограничились коррективами текущего делопроизводства, на что рассчитывало правительство. Во многих случаях крестьяне распространяли требования А. В. Кривошеина на все единоличное землеустройство, особенно в больших селениях.

В Ярославской губернии известие о появлении циркуляра не привело к сколько-нибудь значительным выступлениям против владельцев отрубных и хуторских хозяйств, как это произошло во многих районах Европейской России. Но его неверное толкование отмечалось землеустроительными комиссиями в качестве одного из существенных факторов снижения объема работ данной категории. «Эти циркуляры, – сообщал исполняющий обязанности непременного члена землеустроительной комиссии Рыбинского уезда, – были поняты и истолкованы деревней как вообще прекращение на время войны единоличного землеустройства. Если в мирное время подготовка отдельных выделов (достижение добровольного соглашения) была делом далеко нелёгким ввиду отрицательного отношения массы к от-

рубам и хуторам, то ныне деревня говорит: "не хотим и не дадим, было ведь сказано в газетах, чтобы никаких отрубов до окончания войны не делать, вот и пускай дожидается (выделяющийся) когда мир заключат". Иногда после подобного заявления сход демонстративно расходился» [4, с. 112].

В результате произошло заметное «сокращение единоличных выделов», тогда как на «прочие виды землеустройства война почти никакого влияния не оказала». По губернии же в целом число участковых хозяйств, устроенных в 1915 г., снизилось на 10% против предыдущего года, при уменьшении размежёванной площади с 30 до 19 тыс. дес. [5, с. 47–48]. В то же время образование хуторов совершенно прекратилось, поскольку быстрый рост цен в условиях войны, а также прекращение выдачи ссуд под залог выделенной земли, делали почти неподъёмным обустройство на хуторском участке даже для состоятельного крестьянина.

Вместе с тем групповое землеустройство продолжало развиваться достаточно интенсивно. За 1915 г. оно распространилось на 6385 крестьянских хозяйства, превысив прошлогодний показатель более чем в полтора раза, хотя их площадь к 1914 г. составила лишь 113% (29,4 тыс. дес.) [6, с. 3]. Вынужденное сокращение работ по устройству единоличников высвобождало значительные силы для удовлетворения ходатайств о межселенном разделе земель, отводе выселков, разбивке под многополье, ликвидации внутринадельной чересполосности и перевёрстке на широкие полосы, что во многом объясняет столь внушительный рост масштабов коллективного землеустройства.

Значительное увеличение числа полностью завершенных дел во многом обуславливалось и коррективами А. В. Кривошеина, приказавшего циркуляром от 15 апреля 1915 г. сократить полевые работы и всех освобождающихся землемеров посадить на камеральное производство по «законченному землеустройству» [7, с. 1]. По мнению В. Г. Тюкавкина, эта мера, быстро продвинувшая окончательный отвод участков, являлась вынужденной, поскольку заканчивался период отсрочки от призыва для большинства землемеров [8, с. 204].

Однако к началу полевого периода 1916 г. технический состав землеустроительных учреждений оказался основательно ос-

лаблен призывом на фронт значительного числа работников, прежде всего, непременных членов уездных землеустроительных комиссий, ревизоров и землемерных чинов. Положение во многом усугубилось снижением расходов на финансирование землеустройства, и в конечном итоге работы были исполнены в объёме, гораздо меньше запланированного [9, с. 101]. В Ярославской губернии они составили примерно 2/3 намеченных дворов, охватив чуть более 40% земель, предусмотренных планом [10, с. 21].

Примечательно, что в отличие от большинства других регионов России в Ярославской губернии, несмотря на сильные общинные устои и высокую плотность сельского населения, единоличное землеустройство не прекратилось и в 1916 г., в течение которого здесь было образовано до полутора тысяч отрубов. Более того, положение в ярославской деревне, по мнению местных работников, давало «полное основание полагать, что временное затишье не будет продолжительным и при наступлении мирных условий жизни землеустройство крестьян будет прогрессировать с удвоенной энергией, чем в довоенное время, и в этом отношении показателями культуры мелкого землевладения несомненно явятся возвратившиеся на родину наши пленные из Германии и Австрии, на практике убедившиеся, что материальное положение земледельческого населения зависит не только от земельной площади, но, главным образом, от способов ее использования» [11, с. 7].

Любопытные наблюдения были изложены в отчете непременного члена Угличской уездной землеустроительной комиссии. Отмечая, что война могла дать мощный импульс продолжению земельной реформы, он свидетельствовал: «Есть случай прихода солдат, видевших хуторские хозяйства на западе, – их рассказы оказывают большое влияние. Во многих деревнях приходится слышать: «Погодите, как кончится война, – все рассыпемся, будем жить в общине» [12, 5].

На первый взгляд смелые прогнозы землеустроителей не покажутся таковыми, если принято во внимание, что за 1914–1916 гг. при различных ограничениях и неурядицах военного времени в Ярославской губернии владельцами отрубов и хуторов на надельной земле стали свыше 9,5 тыс. домохозяев, т. е. около половины перешедших к участковому хозяйствованию за все годы

реформы. К тому же после спада первых лет войны в 1916 г. вновь возобновился рост крестьянских ходатайств об отводе земель в единоличное владение, так же как и в производстве других видов землеустроительных работ. Число домохозяев, подавших заявления в 1916 г. превысило 10 тыс. Это примерно в полтора раза больше, нежели год назад [13, с. 68–69].

В целом к 1917 г. землеустройство в Ярославской губернии де-юре было завершено на площади, охватившей около 47% надельных земель, а фактически (на стадии представления в землеустроительные комиссии полностью готовых проектов) работы окончились на 816,7 тыс. дес. (более половины) крестьянских земель. Подобный результат дал весомые основания для оптимистического взгляда на будущее. Но ухудшение социально-экономической ситуации в стране привело к полному свертыванию дальнейших земельных преобразований, и уже 29 ноября 1916 г. императором был утвержден закон о прекращении землеустроительных работ [14, с. 411].

Первая мировая война вместе с земельной реформой похоронила и крестьянские надежды на окончательное утверждение свободы выбора форм землепользования и землевладения. Тем не менее в Ярославской губернии, где аграрное реформирование к 1914 г. уже вступило в экономически необратимую фазу и, по справедливому утверждению Э. М. Щагина, вовлекло «в свою орбиту сравнительно широкие слои крестьянского населения», революционная смута и последующая социализация земли не перечеркнули результатов столыпинского землеустройства [15, с. 94]. Оно во многом определило структуру земельных отношений, оформившуюся здесь к началу 1920-х гг. и сохранившуюся на протяжении всего периода новой экономической политики, несмотря на восстановление позиций общины и усиление ее передельных функций.

Участковые хозяйства, образованные в пореформенную эпоху, хотя и лишились некоторой части своих угодий в результате «всеобщего поравнения 1918–1919 гг.», но в массе своей уцелели и продолжали играть заметную роль в аграрном развитии Ярославского региона вплоть до начала сплошной коллективизации. Опыт Ярославской губернии не только подтверждал перспективность столыпинского аграрного реформи-

рования, но и давал серьезные основания надеяться, что его землеустроительные задачи удастся решить уже в недалеком будущем.

Использованные источники и литература

1. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1914 г. [Текст] – Пг., 1914.

2. Вронский, О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917 гг.) [Текст] / О. Г. Вронский. – Тула, 2000.

3. Пожигайло, П. А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911) [Текст] / П. А. Пожигайло. – М.: РОССПЭН, 2007. – 408 с.

4. Обзор Ярославской губернии за 1915 г. [Текст]. – Ярославль, 1916.

5. Волков, Н. В. Из истории столыпинской аграрной реформы в Ярославской губернии [Текст] / Н. В. Волков // Ученые записки. – Вып. 76. – Ярославль, 1970.

6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 120. Оп.1. Т.2. Д. 1826.

7. ГАЯО. Ф. 73. Оп.1. Т.3. Д. 7251.

8. Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа [Текст] / В. Г. Тюкавкин. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – 312 с.

9. Землеустройство [Текст]. Сборник законов и распоряжений. – Вып. 6: Кредит и личный состав. – СПб., 1914.

10. ГАЯО. Ф.476. Оп.1. Д. 3.

11. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 573.

12. ГАЯО. Ф.485. Оп.2. Д.1241.

13. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г. [Текст]. – Пг., 1916.

14. Першин, П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. / П. Н. Першин. – М., 1966.

15. Щагин, Э. М. Об опыте и уроках столыпинской аграрной реформы / Э. М. Щагин // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1994.

УДК 94(470)1914/1918+2.463

О. Д. Дашковская

ДУХОВЕНСТВО ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье подробно рассматривается и анализируется отношение Русской Православной церкви к Первой мировой войне на примере Ярославской епархии.

Начало XX столетия стало временем суровых испытаний для Русской Православной Церкви. Ей пришлось пережить не только серьезные перемены во внутреннем устройстве Российского государства, но и тяготы внешнеполитических событий, среди которых наиболее кровопролитной и разорительной явилась Первая мировая война. Материалы Российского государственного исторического архива, Государственного архива Ярославской области и периодической печати позволяют изучить положение конкретного церковно-административного округа – Ярославской епархии – в указанный период.

Отношение Русской Православной Церкви ко всем войнам, в которых участвовало Российское государство, было неоднозначным. С одной стороны, духовенство расценивало войну вообще как бедствие и несомненное зло, с другой – полностью оправдывало войны в защиту Отечества, считая их священными, а погибающих в них воинов – совершающими подвиг во имя жертвенной любви. Не случайно в Высочайшем манифесте 26 июля (8 августа) 1914 г., объявлявшем о начале военных действий против Австро-Венгрии, Николай II призывал соотечественников: «Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце» [5].

В годы Первой мировой войны Ярославская епархия находилась в тылу, далеко от линии фронта, поэтому основной сферой деятельности ее духовенства стала благотворительность,

© Дашковская О. Д., 2013

формы и масштабы которой на протяжении военных действий претерпели значительные изменения.

В начале войны монастыри и церкви Ярославской епархии, которая являлась весьма обеспеченным церковно-административным округом, оказывали ощутимую материальную поддержку пострадавшему военному и мирному населению. Обители, располагавшие свободными помещениями и финансовыми ресурсами, занялись устройством лазаретов для раненых воинов. В 1914 г. в ярославских монастырях были оборудованы 89 коек, а также открыты епархиальный лазарет и госпиталь при Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре на 75 и 150 мест соответственно [4].

Особую известность получил лазарет при Спасо-Яковлевской обители. В 1915 г. через него прошли 750 воинов, на содержание которых было израсходовано 52 тыс. руб. [2]. В Ростовский госпиталь закупили самое совершенное оборудование – рентгеновский аппарат, на котором только в указанном году было сделано 250 снимков! Медикаменты в лазарет выписывались из Москвы. Больные получали здесь не только лечение, но и пользовались «всевозможными средствами утешения»: для них были приобретены «библиотека, фисгармония, граммофон, волшебный фонарь» [2].

Приходские церкви сосредоточили свою деятельность на помощи семьям, члены которых ушли на фронт. Для этого во всех приходах епархии (согласно указу Синода от 20 июля 1914 г.) были организованы Попечительские Советы, регулярно проводившие денежные и вещественные сборы. В течение 1915 г. из полученных средств семьям воинов было выдано 16 тыс. пособий, составивших в совокупности 37 тыс. рублей. Стремясь предотвратить сокращение посевных площадей, Попечительские Советы приняли активное участие в организации трудовой помощи при полевых работах и в отпуске семян для семейств военнослужащих. По инициативе приходского духовенства в епархии было открыто более 40 «приютов-яслей», призревавших от 250 до 300 детей воинов [2].

К середине 1915 г. духовенству Ярославской епархии пришлось столкнуться с новой проблемой: неудачи на Западном фронте вызвали приток беженцев на территорию региона. Толь-

ко в губернском городе Ярославле к осени этого года находилось более 6,3 тыс. беженцев, причем количество прибывающих из приграничных областей постоянно увеличивалось [6]. В августе 1915 г. под председательством преосвященного Корнилия, викария Ярославской епархии, был организован Епархиальный Комитет по устройству беженцев, взявший на себя заботы о помощи эвакуированному духовенству. Ростовский Варницкий монастырь предоставил свои помещения Полоцкому епархиальному училищу, в Угличском Богоявленском монастыре нашли приют монашки Полоцкой Спасо-Ефросиньевской обители.

Духовенство оказывало посильную помощь не только представителям своего сословия. Обители, имевшие дома или квартиры за церковной оградой, отводили ее под устройство жилых помещений для беженцев-мирян (Толгский и Казанский монастыри). В 1916 г. благотворительный отдел епархиального Братства Святого Димитрия объединился с местным отделением Всероссийского общества попечения о беженцах, приняв на себя заботы об удовлетворении духовных нужд пострадавших (устройство молитвенных домов, школ, библиотек), последнее же обеспечивало их материальные потребности.

Через несколько месяцев после начала войны духовенству епархии пришлось испытать сложности другого характера: численность паломников и прихожан значительно сократилась, что повлияло на доходы монашествующих и священнослужителей. Нужно было найти финансовые ресурсы не только на благотворительные нужды, но и на собственное содержание. Обители, более обеспеченные, чем церкви, решали эту проблему за счет накоплений прошлых лет. В то же время Ярославский Толгский монастырь был вынужден продать водяную мукомольную мельницу, а в хозяйстве архиерейского дома появилась новая доходная статья – «от продажи помоев» [3].

Приходские церкви столкнулись не только с недостатком финансов, но и с острой нехваткой предметов богослужения. Из-за отсутствия сырья, закупавшегося до войны при посредничестве немецких синдикатов, Ярославский свечной завод приостановил свою работу в апреле 1916 г. Церковные свечи, вес которых с 1914 г. и так был искусственно уменьшен на 5–10%, вообще прекратили поступать в храмы.

Такая ситуация повлекла за собой резкое сокращение пожертвований духовенства на военные нужды. Уже в октябре 1915 г. они уменьшились по сравнению с текущим месяцем прошлого года более чем в 2,5 раза. Однако трудности войны не смогли прекратить благотворительную деятельность духовенства Ярославской епархии, которая продолжалась, пусть и в меньших масштабах, вплоть до осени 1917 г.

Ярославская епархия, как и остальные церковно-административные округа Российской империи, была невольно вовлечена в события Первой мировой войны. На ее территории не велось активных военных действий, поэтому главной задачей православного духовенства стала благотворительность: при церквях организовывались Попечительные Советы, при монастырях – лазареты для раненых воинов. С середины 1915 г. духовенство было вынуждено оказывать посильную материальную и моральную помощь беженцам. Экономический кризис неизбежно привел к сокращению масштабов церковной и монастырской благотворительности, которая, тем не менее, продолжалась практически до окончания Первой мировой войны.

Использованные источники и литература

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 232. Д. 2779. Л. 3об.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2746. Л. 25об.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 31. Д. 251. Л. 8.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2684. Л. 6об.
5. Ярославские епархиальные ведомости. Официальная часть [Текст]. – 1914. – № 31.
6. Ярославские епархиальные ведомости. Официальная часть [Текст]. – 1915. – № 45.

УДК 94(470)1914/1918+371.217

Н. В. Дутов

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ЯРОСЛАВЛЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассмотрена деятельность учебных заведений Ярославля в период Первой мировой войны. На режим их работы значительное влияние оказало то, что немалую часть их классных помещений отвели для больных и раненых воинов. Несмотря на многочисленные трудности военного времени, преподаватели и учащиеся города Ярославля достойно продолжали выполнять свои обязанности.

Мирный ход жизни в учебных заведениях Ярославля был нарушен начавшейся Первой мировой войной. Она стала серьезным испытанием для всех жителей, кроме того, повлекла за собой тяжёлые потрясения и испытания. В самом начале войны в очередном циркуляре Министерства Народного Просвещения (далее – МНП) говорилось, что «грозные события, взволновавшие Россию и нарушившие обычный ход государственной и общественной жизни, не могли не отразиться на изменении нормального течения жизни школы, внеся в нее некоторые расстройства и создав значительные затруднения для педагогической работы». В связи с этим МНП обращалось «с призывом приложить все силы к тому, чтобы создать внутреннюю атмосферу, при которой нарушения нормального хода школьной жизни и переживания нынешнего исторического момента послужили бы на пользу нравственного воспитания подрастающего поколения. Школа должна взять на себя не только обучение, но главным образом воспитание юношества» [2]. Здесь же говорилось и о возможном «устройстве в школьных зданиях лазаретов, несмотря на то, что это ставит серьезные препятствия организации правильных учебных занятий» [3].

© Дутов Н. В., 2013

В годы войны в Ярославль на излечение прибыло большое количество раненых воинов. Летом 1915 г. в здании учительского института еженедельно по вторникам, средам и пятницам преподаватели института и городского при нем училища вели беседы-чтения для раненых воинов. Для них же организовывались и экскурсии в естественно-исторический музей. В январе-феврале 1917 г. силами воспитанников института велись занятия по обучению грамоте раненых воинов в лазарете коммерческого училища [4].

На режим работы учебных заведений значительное влияние оказало и то, что немалую часть их классных помещений отвели для больных, раненых и увечных воинов. Так, половину учебных помещений низшего технического училища и ремесленной школы стал занимать 104-й эвакуационный лазарет [5]. Эта вынужденная мера стала практиковаться в российской истории еще с Отечественной войны 1812 года, когда впервые под лазареты и госпитали были отданы помещения практически всех существовавших тогда учебных заведений.

К сожалению, ни одна война не обходится без жертв. В числе ее последствий – появление большого количества «раненых и увечных воинов», которые в связи с травмами демобилизуются из действующей армии. Уже в годы этой войны царское правительство предпринимало меры для более успешной реабилитации этой категории воинов. В целях их реализации было опубликовано распоряжение МНП и циркуляр Попечителя Московского учебного округа (далее – МУО) о создании краткосрочных курсов для обучения данных лиц различным специальностям в целях их социализации и активного участия в жизни страны [6].

Эти документы явились основой для рассмотрения вопроса об открытии на базе Пастуховского училища курсов для раненых и увечных воинов на заседании педагогического совета училища 6 февраля 1917 г. На заседании обсуждались вопросы организации данных курсов, а уже на базе Пастуховского училища были открыты такие курсы.

Они в корне отличались от ранее существовавшей подготовки рабочих по специальностям, предлагаемым училищем. Для обучения на курсах принимали только тех, кто «умел чи-

тать, считать, знал четыре действия арифметики». Существовала четко прописанная программа, по которой занятия должны были проводиться ежедневно, по 6 часов, из них один час уделялся на классные занятия, а 5 часов – для работы в мастерских. По 55 часов отводилось для изучения основ арифметики, геометрии, технологии материалов (по специальности). Большое внимание уделялось умению «чертить и читать чертежи», для его освоения отводилось 100 часов. Но главное внимание – 875 часов – уделялось практическим работам в мастерских [7]. При этом, как ни удивительно, дополнительных расходов не требовалось: общежитие не предлагалось, питание – за свой счет. Казна выделяла деньги на оплату труда заведующему курсами – 200 руб. в месяц при готовой квартире за счет училища, преподавателям за все уроки выплачивалось по 630 руб. в год, а руководителю практических работ – 1750 руб. [8].

Однако вскоре в организацию курсов были внесены существенные коррективы. Во-первых, увеличился срок обучения: вместо 3 месяцев отводилось 4 месяца для столярно-модельного и 5 месяцев для слесарно-кузнечного отделений с одновременным изучением двигателей внутреннего сгорания. Во-вторых, вместо 10 по плану, на каждую специальность набрали по 15 человек [9].

В годы войны производилась массовая мобилизация трудоспособного мужского населения в действующую армию. По всей Ярославской губернии было призвано большое число рабочих. Это вызывало острую потребность в подготовке квалифицированной рабочей силы. Своим циркуляром попечитель МУО предписал допустить в качестве практикантов в ремесленные мастерские и взрослых [10]. Указывалось, что они могут быть допущены к практическому усвоению основных навыков работы по всем специальностям, по которым шла подготовка в училище. А это было столярное, модельное, кузнечное, линейное, литейное, слесарное дело, эксплуатация машин и механизмов. Сроки практических работ при этом не оговаривались, лишь указывалось, что зависеть они будут от успехов. При этом подчеркивалось, что все это отдавалось на усмотрение администрации училища и зависело лишь от наличия свободных мест [11]. По окончании практических работ для обучавшихся по специально-

стям не предусматривалось никаких выпускных испытаний и, как следствие, особых прав [12].

Война оказала существенное влияние и на ход учебного процесса. Уже осенью 1914 г. вышло специальное распоряжение МНП об организации 16-ти часовой (в две смены) работы учебных мастерских. Это было вызвано с необходимостью выполнения военных заказов [14]. Одновременно с этим классные занятия сократились до 2 часов в день. В целях организации постоянного контроля и помощи учащимся в мастерских было организовано дежурство. В нем принимали участие все преподаватели [14].

Но скоро последовало неожиданное, на первый взгляд, предложение учащихся третьего (выпускного) класса Пастуховского училища о необходимости сохранения классных занятий. Мотивировалось это тем, что экзамены никто не собирался отменять, равно как и требования к их подготовке. Таким образом, «в свободное от работы время было организовано по два урока в день, а в субботу – по пять, поскольку в этот день останавливался двигатель, приводящий в движение все машины и механизмы, для обязательной профилактики» [15]. В результате, несмотря на трудности военного времени, учащиеся продолжали полноценно обучаться по специальности.

В военные годы широкое распространение получили различные патриотические движения. Наиболее популярным в Ярославле был денежный сбор в фонд помощи Георгиевским кавалерам и их семьям, больным, раненым и увечным воинам и др. Так, только в Учительском институте «Сбор выразился суммой 111 рублей 54 копейки для выдачи пособий недостаточным учащимся института и училища – детям Георгиевских кавалеров». Подобные акции проводились регулярно [16].

Ежемесячно в пользу пострадавших от войны преподавателями и сотрудниками учебных заведений делались процентные отчисления. Например, служащими Учительского института эти отчисления достигли к 1917 г. 468 руб., которые были использованы на покупку вещей, выдачу пособий, пожертвования в Ярославское учительское общество взаимопомощи и т. д. [17].

Призыв на военную службу большинства работоспособного населения вызывал опасения за благополучное течение полевых работ и своевременную уборку урожая. В связи с этим во всех ти-

пах учебных заведений по приказу МНП и МУО создавались трудовые дружины для помощи семьям защитников родины [18].

В годы войны из учащихся старших классов различных учебных заведений формировались ученические трудовые дружины для оказания помощи «земледельческому населению». Иногда дружина формировалась из старшеклассников одного учебного заведения, но чаще всего на базе нескольких. Это было связано с тем, что в учебных заведениях, например, в Учительском институте обучались выходцы из сельской местности, которые отправлялись по месту жительства. Ученики Пастуховского училища в эти дружины не входили, так как были уже заняты на производстве военной продукции в течение практически всего учебного года, а летняя производственная практика также проходила в училищных мастерских [19].

Военное время вынуждало учащихся практически всех учебных заведений приспосабливаться к новым условиям обучения, связанным, прежде всего, с нехваткой или ограничением учебных помещений. В эти годы Ярославль принял большое количество эвакуированных учебных заведений, что существенно стеснило местные учебные заведения. Например, в 1915–1916 гг. в здании Ярославского учительского института вели занятия эвакуированные в Ярославль Минский и Седлецкий учительские институты [20].

В годы войны в мужских старших классах ряда учебных заведений была введена допризывная военная подготовка, завершавшаяся сдачей экзаменов в конце года. В учительском институте она проводилась на старшем курсе в течение полугода. Студенты обучались начальной военной подготовке, в том числе приемам владения оружием (для чего было закуплено 12 ружей), военному строю и т. д. Занятия проводились прапорщиком 254-го запасного полка С. М. Ивановым. В конце курса обучения ему было выплачено по 2 руб. за 18 уроков из расчета 1 урок в неделю в продолжение всего семестра [21].

В мирное время старшеклассники пользовались отсрочкой по отбыванию воинской повинности до окончания учебного заведения [22]. Но в связи с начавшейся войной вышли постановления о досрочных выпускных экзаменах и об отсрочке от призыва не далее окончания того учебного года, когда им ис-

полнится 27 лет, чтобы они получили возможность поступить к 1 января 1916 г. в военное училище или могли быть призванными в действующую армию [23]. Из учительского института на военную службу были призваны 3 преподавателя и 20 учащихся (из них 16 поступили в военные училища). Воспитанник института Я. Боборыкин воевал геройски, был награжден Георгиевскими крестами 3 и 4 степеней [24].

По положению, утвержденному министром народного просвещения 5 мая 1916 г., с 1917 г. при Ярославском учительском институте начали работать временные одногодичные педагогические курсы для подготовки учителей высших начальных училищ [25]. Это давало возможность получить педагогическое образование и девушкам. Было принято 60 человек, 57 из которых окончили курс средних женских образовательных учебных учреждений и имели учительскую практику не менее двух лет. Занятия этих курсов проходили в здании института в вечерние часы (с 17.00 до 20.20 – 4 урока по 40 минут) ежедневно. Практические занятия («пробные уроки») велись в городском училище при учительском институте.

Февральская революция вызвала к жизни новые изменения. Весной 1917 г. вышло постановление Временного правительства об отмене ограничения в выборе учебников и учебных руководств из числа одобренных МНП и духовным ведомством [26]. Преобразования в общественно-политической и культурной жизни страны вызвали и изменения в учебных планах и программах учебных заведений. Так, педагогический совет Ярославского учительского института признал целесообразным ввести в учебный курс с 1917/18 учебного года преподавание политической экономии, немецкого языка, выразительного чтения, государственного права.

В годы войны быстрыми темпами росла инфляция, что повлекло за собой повышение цен на товары и услуги. В то же время смета расходов казны на выплату заработной платы учителям и стипендии учащимся долгое время оставалась неизменной. Индексация заработной платы началась лишь с середины 1916 г., когда прибавка к жалованию преподавателей и мастеров производственного обучения Пастуховского училища и ремесленной школы составила 25% [27]. Происходило это чаще всего

за счет внебюджетных средств. В Учительском институте учащимся одногодичных курсов даже выдавалась материальная помощь в размере от 20 до 50 руб. в месяц, «принимая во внимание материальную необходимость и современную дороговизну жизни в Ярославле» [28]. За счет дополнительных средств с привлечением денег студентов и учащихся в Учительском институте была открыта своя столовая [29].

Материальная помощь иногда выдавалась и по отдельным личным просьбам студентов. Например, когда в феврале 1917 г. у одной из курсисток Учительского института украли пальто, педагогический совет в ответ на ее просьбу немедленно выделил ей деньги на покупку нового пальто [30].

Несмотря на все трудности и невзгоды военной поры, преподаватели и учащиеся различных учебных заведений, достойно выполняли свои обязанности, готовя специалистов для своей Родины.

Использованные источники и литература

1. Дутов, Н. В. Ярославский учительский институт (1908–1918). Ч. 1 [Текст] / Н. В. Дутов // Ярославский педагогический вестник. Специальный выпуск (к 90-летию ЯГПУ). – 1998. – № 4; Его же. История училища им. Н. П. Пастухова. Ч. III [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2010. Гуманитарные науки. – № 4. – С. 300–305.

2. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 572. Оп. 1. Д. 134. Л. 185.

3. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 134. Л. 186.

4. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 105. Л. 104; Д. 146. Л. 39–40.

5. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

6. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

7. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 148. Л. 5.

8. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 148. Л. 6.

9. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 148. Л. 7.

10. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

11. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

12. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–40.

13. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

14. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

15. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
16. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 134. Л. 149.
17. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 146. Л. 39–40.
18. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 105. Л. 110, 165.
19. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 138. Л. 55.
20. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 105. Л. 118–120, 122, 126, 131, 132, 136; Кузнецова, О. В. Поляки и Ярославский край (конец XVIII в. – начало 30-х гг. XX в.) [Текст] / О. В. Кузнецова. – Ярославль, 2012. – С. 716.
21. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.
22. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 105. Л. 252–256, 274–275.
23. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 134. Л. 56.
24. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 134. Л. 112.
25. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 146. Л. 118.
26. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 146. Л. 119–120.
27. ГАЯО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 48. Л. 10–15.
28. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 146. Л. 120.
29. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 146. Л. 123.
30. ГАЯО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 146. Л. 128.

УДК 94(470)1914/1918+351.852.14

М. Д. Кербиков

ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ СРЕДСТВАМИ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Аннотация

В статье идет речь об изучении темы «Первая мировая война» в школе с помощью приемов и средств музейной педагогики. Рассматривается, какая должна быть при этом стратегия изучения, методы, направления. Раскрывается роль «семейной истории» как опоры для более глубокого понимания войны.

Повинуясь историческому календарю, 1 августа 2014 г. мы открываем страницу, связанную с крупнейшей датой – столетием с начала Первой мировой войны. Это событие дает мощ

© Кербиков М. Д., 2013

ный повод не только для его осмысления, но и выработки возможных методических стратегий по трансляции столь непростой темы. Данная тема может оказаться поводом для разделения на лагеря с последующей ломкой копий: с одной стороны, оценки ее как «упущенной победы» или «удара ножом в спину», с другой стороны – как «эпопеи провалов», приведших в итоге к краху империи. Важным нюансом является здесь почти полное отсутствие в памяти граждан «Великой войны», как ее некогда называли, а также каких-либо четких ее оценок.

Несмотря на то, что в течение советского периода нашей истории издавались мемуары, теоретические труды, статьи в энциклопедиях (например, в универсальном энциклопедическом словаре братьев Гранат Первой мировой войне посвящены тома 46–48), для обычного человека она оставалась в тени революций, гражданской и Великой Отечественной войн. Называемая сначала «четырехлетней», потом «империалистической» война служила прологом всех последующих событий, как это ярко подано в «Хождениях по мукам» А. Н. Толстого. И в этом есть большая доля истины.

Тем не менее на лицо лакуна в исторической памяти, которая может легко заполниться мифами самого невероятного содержания. Важным здесь является предупреждение всяких попыток политизации темы, затаскивания ее в болото идеологических дрязг. Приоритетной должна быть функция исследователя как опережающая по отношению к другим функциям [12, с. 36].

В настоящее время практически нет музейных экспозиций, посвященных Первой мировой как отдельной теме, всесторонне изученной. Не было их и ранее, если только она не пересекалась с темой оккупации территории России кайзеровскими войсками, становясь небольшим эпизодом. Борьба с царизмом, интервенцией и немецким фашизмом были основными слагаемыми боевой славы, дающими «понять и почувствовать, какой дорогой ценой завоевана победа» [3, с. 3]. Школьники совершали турпоходы и собирали экспонаты, вели переписку с ветеранами, устраивали встречи. Если первое для нас сейчас затруднительно, то второе и третье и вовсе невозможно.

Ярославский государственный музей-заповедник, сохраняя подлинные вещи и документы, идет к раскрытию войны че-

рез малые выставки (оружия, открыток, плакатов и др.), углубляясь в обсуждаемую тему по мере их строительства. Итогом совместной работы музея, Государственного архива Ярославской области и Ярославского историко-родословного общества должна стать не только большая юбилейная выставка, отражающая местную специфику, но и создание качественного электронного ресурса. Этот ресурс будет носить открытый характер, давать возможность не только брать, но и самим добавлять в него информацию.

А что может предложить музей своему партнеру по воспитательному процессу уже сейчас? Возьмем, например, Музей Боевой Славы. Хотя его экспозиция и посвящена периоду Великой Отечественной войны, тем не менее даже она позволяет выходить и на более ранние пласты истории.

Современная музейная экспозиция рассказывает историю, но это не учебник. Это последовательность новелл и рассказов. Она построена по художественным законам и вход в разворачивающееся действие происходит как в кино [4]. В одной из витрин мы знакомимся с первым секретарем Ярославского обкома партии и членом Комитета обороны на период начала Великой Отечественной войны Н. С. Патоличевым. Свои воспоминания, опубликованные позднее, он начинает «Словом отцу» – Семену Михайловичу, служившему во 2-м лейб-гусарском Павлоградском императора Александра III полку. Старший Патоличев с первого до последнего дня находился на фронте. «Домой приезжал только после ранений и на поправку. Это было редко. Отец был заместителем командира эскадрона и непосредственно участвовал в боях, видел массовую гибель людей» [11, с. 8–9]. С 1916 года он стал прапорщиком за храбрость, а не за происхождение. Вернулся с четырьмя Георгиевскими крестами, то есть георгиевским кавалером полного банта. Здесь не так существенно, что впоследствии отец стал красным командиром. Важно то, что его сын, партийный человек, с гордостью описывает интересующий нас период в жизни своего родителя, давая пример взаимосвязи поколений.

Долгий и нелегкий ратный путь длинной в 70 лет начал в ноябре 1915 г. начал будущий генерал П. И. Батов, наш земляк, дважды Герой Советского Союза. После обучения он в звании

ефрейтора был назначен командиром стрелкового отделения. За смелость и дерзость в боях получил две Георгиевских медали и два креста [7, с. 241–244].

С 1915 г., командуя ротой, начал служить и другой известный советский полководец – Ф. И. Толбухин. В то время кадровые офицеры и солдаты почти полностью выбыли из строя. В роте, насчитывающей 170 человек, Толбухин был единственным офицером. Взводами командовали унтер-офицеры, а отделениями – побывавшие в боях солдаты. Федор Иванович участвовал в Брусиловском прорыве, заслужил два ордена – Анны и Станислава. В сентябре 1917 г. был произведен в штабс-капитаны и направлен в Омск [6, с. 7–13]. В Сибири он застал новую власть. На улице перед музеем находится аллея Славы, один из обелисков которой посвящен маршалу Ф. И. Толбухину, а другой – В. К. Блюхеру.

В. К. Блюхер – еще один наш выдающийся земляк, которого в августе 1914 г. мобилизовали в армию. Через две недели он с маршевой ротой был отправлен уже в действующую армию на Юго-Западный фронт. Он попал в 5-ю пехотную дивизию и был зачислен в 19-й Костромской полк. Рядовой Василий Блюхер отличился в затяжных упорных боях под городом Величко и был награжден Георгиевской медалью, а затем и Георгиевским крестом четвертой степени. За храбрость в рукопашной схватке на реке Стродомке командир полка вручил ему Георгиевский крест третьей степени. В 1915 г. на задании – прорезать три прохода в проволочном заграждении противника – получил ранение. Профессор извлек из него восемь осколков. Два раза его относили в морг, но Василий Блюхер выжил [5, с. 48–50]. Будущий маршал РККА был уволен из армии по инвалидности с пенсией первого разряда.

В составе 58-го пехотного полка служил рядовым будущий глава КБ, разработавшего легендарный танк Т-34, М. И. Кошкин. Рабочий-кондитер Михаил Кошкин весной 1917 г. был призван в армию [13, с. 12]. Ему довелось воевать с немцами и жить в окопах, как и всем солдатам. В августе 1917 г. в связи с ранением он был отправлен в московский госпиталь.

Таким образом, сумма подобных новелл в сочетании с музейными предметами на экспозиции является не только ис-

точником знаний, но и средством образовательного и воспитательного воздействия. Они призваны помочь человеку «приобщиться к своим корням, утвердиться как гражданину и патриоту» [9, с. 59].

Не следует забывать, что военная техника также является составной частью истории [2, с. 4]. Перед входом в музей можно видеть отечественную 76-мм пушку образца 1902 г. Она была основой артиллерии Российской империи, не уступая по своим показателям лучшим образцам европейского вооружения. За убийственную стрельбу шрапнелью в период мировой войны она получила название «коса смерти». Находящиеся на экспозиции такие виды оружия, как винтовка Мосина (трехлинейка), пулемет Максим, револьвер Нагана и маузер, активно применялись в указанный период. За каждым из них стоит своя история создания, применения, владения.

Вовлекать в изучение истории Первой мировой войны может само место, если это особое *место памяти*. В случае Музея Боевой Славы это действительно так. Напротив музея находится храм Св. Леонтия [16], на кладбище которого находили покой русские войны, участвовавшие в сражениях XIX века, а также в Первой мировой войне. Вплотную к старому Леонтьевскому примыкает Воинское мемориальное кладбище, где имеется памятник ярославцам – участникам этих войн. Поэтому данное место является специфическим хранителем городской памяти, здесь происходит пересечение времен – героического XIX века и печальной эпохи катастроф века XX-го.

Необходимо открывать и другие *места памяти* – лазареты, военные ведомства, те места, где содержались пленные, где происходил пошив одежды или производство предметов для военных нужд. В создание подобной карты памяти может внести вклад каждый город области, практически каждый район, имеющий собственную историю.

На определенном этапе упор можно сделать и на «самостоятельную работу учащихся с тем, что не представлено в экспозициях» [10, с. 9]. Чтобы тема мировой катастрофы не была в глазах молодого поколения абстрактным понятием, а личным переживанием, нужно заниматься исследованием семейной памяти [1, с. 69–71]. Этот вид памяти изучается в рамках так назы-

ваемой устной истории (oral history), которая в нашей стране начала активно развиваться не так давно, после переводов теоретических трудов Хальбвакса, Томпсона, Нора, Ассмана, Нитхаммера и других авторов.

Научные сотрудники Ярославского музея-заповедника также занимаются этим направлением, поскольку «запись воспоминаний и рассказов – одна из форм комплектования, имеющая музейное значение» [14, с. 55]. Сюда входит разработка подходов, вопросников, стратегии интервьюирования, процедур анализа и в итоге создание архивов устной истории. Сбором этого наследия, нематериальной культурной памяти может успешно заниматься и школа в рамках проектной деятельности, работая в системе «музей-школа» [8, с. 9, 51]. Подобная деятельность, опирающаяся на грамотно разработанные методики, поможет установить связь между семейной историей, историей региона с процессами более общими, понять корни социальных явлений.

Итак, изучение Первой мировой войны, в огне которой сгорела «старая цивилизация XIX века» [15, с. 436], возможно построить на понимании этого грандиозного события как определенного среза для всех народов и слоев населения. Август 1914 г. раз и навсегда изменил жизненные перспективы миллионов людей. Война явилась, образно говоря, травматическим поворотным пунктом для отечественной семейной истории, связанным с утратами, переездами с родного места, забвением собственных корней. Вместе с тем, опираясь на совместно организованную работу, настоящие и будущие музейные экспозиции, помощь специалистов, электронные ресурсы, изучение мест памяти и семейной истории, можно заполнить лакуны в нашей культурной памяти осмысленным содержанием.

Использованные источники и литература

1. Воронина, С. Е. Развитие семейной памяти. Подготовка студентов к работе с вещественными источниками [Текст] / С. Е. Воронина // Развитие исторической памяти средствами музейной педагогики: сборник материалов креатив-форума. – Ярославль, 2010.

2. Глан, И. Этот исчезающий вещный мир [Текст] / И. Глан. – М. : Знание, 1990. – 192 с.

3. Жуковский, А. С. Школьный музей революции и боевой славы [Текст] / А. С. Жуковский. – 2-е изд., доп. – Минск, 1973. – 136 с.

4. Из лекции М. Б. Гнедовского, прочитанной на летней школе музеологии в г. Пермь. 25 июня – 4 июля 2012 г. [Архив автора].

5. Кондратьев, Н. Маршал Блюхер [Текст] / Н. Кондратьев. – М. : Воениздат, 1965. – 294 с.

6. Кузнецов, П. Г. Маршал Толбухин [Текст] / П. Г. Кузнецов. – М. : Воениздат, 1966. – 273 с.

7. Михайловский, Г. Павел Иванович Батов [Текст] / Г. Михайловский // Советские полководцы и военачальники: сборник. – М. : Молодая гвардия, 1988.

8. Музей и школа. Пособие для учителя [Текст] / под общ. ред. Т. А. Кудриной. – М., 1985. – 192 с.

9. Нагорский, Н. В. Музей в духовной жизни общества [Текст] / Н. В. Нагорский. – СПб., 2004. – 577 с.

10. Огризко, З. А., Сейненский, А. Е. Организация и деятельность школьных музеев [Текст] / З. А. Огризко, А. Е. Сейненский // Школьные музеи. Из опыта работы. – М., 1977.

11. Патоличев, Н. С. Испытание на зрелость [Текст] / Н. С. Патоличев. – М. : Политиздат 1977. – 287 с.

12. Селезнева, Е. Н. К вопросу о месте исторического наследия в культурной политике государства [Текст] / Е. Н. Селезнева // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: сборник науч. трудов. – М., 1990.

13. Слободин, К. М. КБ принимает вызов [Текст] К. М. Слободин. – Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. – 127 с.

14. Терминологические проблемы музееведения: сборник науч. трудов [Текст]. – М., 1986. – 136 с.

15. Хобсбаум, Э. Век империи. 1875–1914 [Текст] / Э. Хобсбаум. – Ростов-на-Дону, 1999. – 1502 с.

16. Ярославский некрополь. Леонтьевское кладбище [Текст] : справочник. – Ярославль : Ремдер, 2005.

Сведения об авторах

Архипова Любовь Михайловна – докт. ист. наук, профессор кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Дашковская Ольга Дмитриевна – канд. ист. наук, доцент кафедры регионоведения и туризма ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Дутов Николай Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Иерусалимский Юрий Юрьевич – докт. ист. наук, профессор, зав. кафедрой отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Кербиков Михаил Дмитриевич – канд. ист. наук, заведующий Музеем Боевой Славы

Кищенков Михаил Сергеевич – канд. ист. наук, ассистент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук ЯГСХА

Лозинский Борис Ростиславович – заслуженный врач РФ, научный сотрудник МУК «Музей истории города»

Мурзо Галина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Новиков Михаил Васильевич – докт. ист. наук, профессор, первый проректор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Отбоева Дарья Александровна – учитель истории средней общеобразовательной школы № 36 г. Ярославля, соискатель кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Передбогов Алексей Игоревич – аспирант кафедры отечественной средневековой и новой истории ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Самолетов Иван Дмитриевич – аспирант кафедры отечественной истории ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Федюк Владимир Павлович – докт. ист. наук, профессор, декан исторического факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Научное издание

Ярославский край в Первой мировой войне

Сборник статей для учителей истории
школ города Ярославля

Редактор – Ю. В. Ушакова
Компьютерная верстка – Ю. В. Яковлева

Подписано в печать 20.12.2013
Формат 60x90/16.
Объем 5,75 п.л., 4,2 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 285.

Издательство ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44